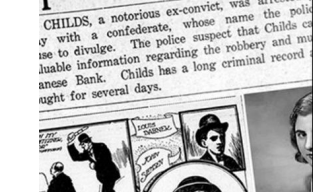

Алексей Ракитин

Американские трагедии

Хроники подлинных
уголовных расследований
XIX – XX столетий.
Книга I

Алексей Ракитин
Американские трагедии.
Хроники подлинных
уголовных расследований
XIX – XX столетий. Книга I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64771356
ISBN 9785005354594

Аннотация

Сборник очерков, посвященных малоизвестным в России событиям американской криминальной истории разных лет. Помимо необычных и полных драматизма сюжетов в представленных очерках можно увидеть подлинную картину общественной жизни США конца XIX – первой половины XX столетий, человеческие драмы эпохи индустриальной революции, специфику правоприменения и особенности работы правоохранительного сообщества той поры.

Содержание

1895 год. Убийства в церкви или Неизвестная история неизвестного серийного убийцы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	108

**Американские трагедии
Хроники подлинных
уголовных расследований
XIX – XX столетий. Книга I**

Алексей Ракитин

© Алексей Ракитин, 2022

ISBN 978-5-0053-5459-4 (т. 1)

ISBN 978-5-0053-5460-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1895 год. Убийства в церкви или Неизвестная история неизвестного серийного убийцы

Смерть Юджина Уэйра (Eugene Ware) повлекла ряд событий, не получивших до сего дня ясных и однозначных ответов. Скорее всего, истинную подноготную произошедшего тогда мы вообще никогда не узнаем. Но именно существующие неопределенности и порожденные ими вопросы и придают произошедшему в 1894—1895 гг. в Сан-Франциско форму неординарного, лихо закрученного детектива.

Жизнь, казалось, сулила Юджину Уэйру прекрасную будущность. Закончив медицинскую школу Купера (Cooper medical college), престижное учебное заведение, действовавшее в Сан-Франциско с 1858 года, он открыл аптеку на пересечении улиц Хейс (Hayes street) и Маркет (Market street). В конце XIX столетия город рос, туда стекались люди, вваливались большие деньги, приходил бизнес. Благодаря прекрасной конъюнктуре и общему экономическому подъёму Калифорнии, дела в маленьком бизнесе Юджина шли очень хорошо, молодой аптекарь быстро обзавёлся постоянной клиентурой и планировал расширить торговлю.

Но в ночь на 14 декабря 1894 г. Юджин Уэйр был убит. Его залитое кровью тело было найдено около полуночи

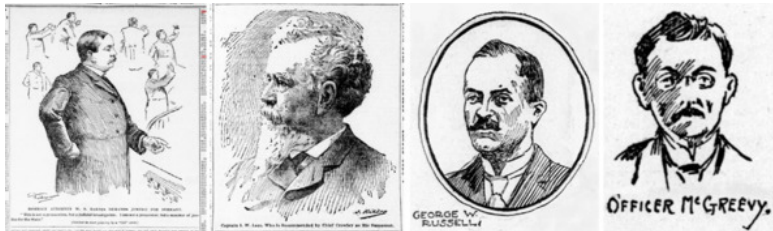
на площадке перед лестницей, ведущей на второй этаж (там находилась аптека). Немедленно была вызвана полиция, которая появилась очень скоро, поскольку до ближайшего отделения было буквально 100 метров. Выяснилось, что непосредственно нападения на аптекаря никто не видел, поэтому описание внешности предполагаемого преступника получить не представлялось возможным, однако рядом работавшие магазины закрывались довольно поздно – в 22 и даже 23 часа – а потому кто-то из числа их работников мог что-то интересное заметить.

На место совершения преступления прибыл капитан Исая Лиз (Isaiah W. Lees), начальник дивизиона детективов, являвшегося в каком-то смысле прообразом современной службы уголовного розыска. Это был один из ветеранов полиции Сан-Франциско, получивший капитанское звание ещё аж в 1858 г., т.е. за 36 лет до описываемых событий. Лиз был немолод – буквально через 2 недели ему должно было исполниться 64 года – но сохранял бодрость и активность, присущую молодым. Капитан в любое время суток лично выезжал на места совершения резонансных преступлений и работал столько, сколько было необходимо. Это был фанатик своего дела в хорошем смысле этого слова. Лиз заслуженно пользовался репутацией одного из лучших сыскарей на западном побережье Америки и когда в марте 1896 г. ему предложили занять место руководителя Департамента полиции Сан-Франциско, это назначение было сочтено луч-

шим из всех возможных. Лиз оставался в этой должности вплоть до 1900 г. и даже ездил в Великобританию, в Скотланд-ярд с целью ознакомления с передовым европейским опытом борьбы с преступностью. Впрочем, сейчас мы выходим далеко за рамки нашего повествования, поэтому вернёмся в декабрь 1894 г.

С капитаном прибыла группа детективов, которую возглавлял Джон Сеймур (John Seymour) – им предстояло непосредственно заниматься раскрытием преступления.

С самого начала в расследовании убийства Уэйра принимал участие полицейский художник Джордж Рассел (George W. Russell). В то время это был, наверное, первый криминалист в полицейском управлении Сан-Франциско, а возможно, во всей Калифорнии. В обязанности Рассела входило информационное и научно-техническое, если можно так выразиться, сопровождение следственного процесса. Рассел занимался фотографированием и зарисовками на месте, проводил опросы свидетелей и по их показаниям рисовал портреты подозреваемых, разного рода поясняющие схемы и даже изготавливал макеты для представления суду и т. п.

Представители правоохранительного сообщества Сан-Франциско 1890-х гг. Все эти люди в той или иной форме занимались расследованием убийства аптекаря Уэйра. Слева направо: окружной прокурор Барнс, капитан полиции Исайя Лиз, полицейский художник, фотограф и, считай, криминалист Джордж Рассел, полицейский МакГриви. Все эти люди часто появлялись в судах во время уголовных процессов, где давали показания, в каком-то смысле их можно назвать публичными личностями. Джордж Рассел, судя по всему, являлся человеком широко известным, он появлялся по меньшей мере в 70 уголовных процессах, привлекавших внимание городской прессы.

В последующее десятилетие Джордж Рассел побывал на местах практически всех убийств, банковских ограблений, разного рода нападений и иных общественно опасных деяний, имевших место на территории Сан-Франциско. Он давал показания в судах, встречался со свидетелями и обвиняемыми.

Можно сказать, что Джордж Рассел на протяжении более

10 лет находился в самом эпицентре оперативной и следственной работы и видел поболее иных детективов и прокуроров. Если бы он написал мемуары, то можно не сомневаться – эту книгу можно было бы считать энциклопедией криминального мира Сан-Франциско конца XIX-го – начала XX-го веков. К сожалению, он не был писателем, поэтому такая книга не появилась. А жаль! В нашем повествовании мы ещё столкнёмся с этим человеком.

В первые же часы расследования стала вырисовываться картина довольно странного преступления. Юджин Уэйр был убит 18 ударами кинжала или ножа. Убийца именно колот, а не резал, поэтому судмедэксперт затруднился сказать, имело ли оружие убийства режущие кромки. Ранения оказались локализованы на правой стороне груди и живота – а это означало, что убийца, находясь лицом к лицу жертвы, держал кинжал (или нож) в левой руке. То, что преступник находился к убитому лицом к лицу не вызывало сомнений, поскольку на шее Уэйра остались хорошо различимые следы душения правой рукой. Напавший с такой силой стиснул шею жертвы, что на ней остались синюшно-багровые следы растопыренных пальцев и обдиры кожи там, где ногти впивались в шею.

Если убийца взял нож в левую руку, а правую использовал только для удержания жертвы, значит преступник – левша. Так рассудил лейтенант Лиз и его, логику, в общем-то, следует признать вполне здоровой.

Николас Ван Сивке (Nicholas Van Sivke), ночной сторож расположенного неподалёку отеля, сообщил полицейским важную деталь. Он обратил внимание на то, что фонарь на лестнице не горел, и уточнил, что свет в тёмное время здесь всегда был включён. Освещение в Сан-Франциско в те годы было преимущественно не электрическим, а газовым, устроенным по английской технологии [горючий газ получали из угля], поэтому выключить светильник было не так-то просто. Светильник не имел индивидуального выключателя, чтобы его погасить требовалось перекрыть газовую магистраль, скрытую под штукатуркой. Полицейским пришлось потратить некоторое время на то, чтобы отыскать нужный вентиль – он находился далеко под лестницей и найти его было непросто. Вентиль оказался перекрыт и кто его повернул установить не удалось. Учитывая, что свет не горел в ту самую ночь, когда было совершено убийство, логичным выглядело предположение о его выключении злоумышленником. Но подобная предусмотрительность наводила на мысль не только о спланированности нападения, но и хорошей осведомленности этого человека! Он прекрасно представлял как и в каком месте ему надлежит действовать.

Осмотр карманов одежды убитого показал, что нападавший не заинтересовался ни наличными деньгами Уэйра, ни его ценными вещами. Запонки и булавка для галстука с бриллиантами остались на своих местах, как, впрочем, и золотые часы, портсигар и кожаная визитница, в портмоне

находились 46\$ – очень приличная сумма по тем временам, более чем месячный заработок фабричного или портового рабочего!

Осмотр аптеки позволил сделать другой любопытный вывод – из неё ничего не пропало. Также в её помещениях не было найдено никаких следов, свидетельствующих о борьбе или какой-либо подозрительной активности. Нападение началось и закончилось на лестнице.

Итак, ограбление явно не являлось мотивом преступления. Тогда что?

Крайнее ожесточение, проявленное убийцей, указывало на обуревавшую его ярость. Такой гнев мог явиться следствием сильного чувства неприязни, проистекавшего из неких обстоятельств личных отношений. Возможно, гнев питала ревность, некое нестерпимое оскорбление, карточный долг, наконец... Уже первые допросы друзей и коллег убитого, проведенные детективами, косвенно подтвердили справедливость такого рода предположений.

Врач Ричард Доудэлл (Ricbafd J. Dowdall), регулярно встречавшийся с Уэйром для покупки лекарств, сообщил полиции, что Юджин в последние недели жизни явно чего-то опасался. Чего именно, врач объяснить не мог, согласитесь, спрашивать о таком не принято, но по мнению Доудэлла, какие-то объективные основания для беспокойства Уэйр явно имел. То есть речь шла не просто о мнительности или дурных сновидениях, а о чём-то вполне объектив-

ном. Сказал Доудэлл и кое-что ещё интересное и неожиданное – по его словам, Юджин любил некую молодую барышню, очень юную и привлекательную. Доудэлл видел её однажды и сообщил описание полиции – брюнетка, худощавая, рост около 160 см. По словам свидетеля, по обхождению Уэйра было видно, что тот испытывает к барышне очень трепетные чувства, т.е. это явно был не флирт, не обычное для молодёжи заигрывание.

Сообщение о нежных чувствах к некоей брюнетке явилось для капитана Лиза и его детективов настоящей неожиданностью. Дело заключалось в том, что никто из близких убитого ничего об этой девушке не знал. Даже старший брат Юджина, с которым тот был очень близок и вёл переписку по почте, никакой ясности в этот вопрос внести не смог. Старший брат передал детективам переписку с Юджином и те не поленились её внимательно, но в результате лишь убедились в справедливости его показаний.

Очень важное для следствия сообщение сделал Чарльз МакЛохлин (Charles McLaughlin), владелец бакалейной лавки на противоположной аптеке стороне улицы. Магазин МакЛохлина 13 декабря работал до 23 часов и Чарльз перед самым закрытием видел, как в аптеку Уэйра явилась примечательная парочка – хорошо одетые мужчина и женщина, оба молодые и вполне респектабельные. Они оживленно беседовали с хозяином аптеки, женщина сняла шляпку и свидетель хорошо запомнил её блестящие тёмные волосы. МакЛохлин

не заметил ничего подозрительного, если бы Юджин Уэйр не был убит той ночью, то свидетель вообще не запомнил бы этой сцены. Но описывая увиденное полицейским, МакЛохлин высказал предположение, согласно которому, явившаяся парочка была хорошо знакома владельцу аптеки, поскольку случайные люди так непринужденно не беседуют. Свидетель, конечно же, не мог знать содержание разговора, но суждение его представлялось весьма ценным.

В контексте этого заявление особенно интригующим выглядело то обстоятельство, что никто из друзей убитого аптекаря не признался полиции в своей встрече с Юджином поздним вечером 13 декабря. Интересно, не так ли?

19 декабря Джордж Рассел сделал доклад руководству полиции, в котором рассказал о результатах проведенного расследования. Сейчас бы мы назвали такой доклад презентацией. Детектив для пущей наглядности не поленился нарисовать на большом листе бумаги схему подъезда, явившегося местом преступления, указал расположение трупа, светильника, газового вентиля и поделился своими соображениями. Из его слов следовало, что Юджина Уэйра убил некто, хорошо ему знакомый. Этот человек руководствовался неким личным мотивом, скорее всего, неизвестным окружающим, опознать этого человека можно по его левшизму. Детектив смотрел на перспективы расследования довольно уверенно и не испытывал сомнений в том, что в самом скором времени будут обнаружены как таинственная брюнетка, за которой

ухаживал убитый, так и его приятель-левша.

Надо сказать, что версия о возможной причастности к преступлению наркомана, искавшего зелье у аптекаря, всерьёз не рассматривалась. Дело заключалось в том, что в конце XIX столетия "настоящими наркотиками" считались гашиш и опиум. Патологическая зависимость от морфия была известна медицинской науке и называлась морфинизмом, но она не считалась тяжёлой патологией, раствор морфия являлся снотворным средством, продававшимся без ограничений. Кокаин также считался популярным лекарством, эффективным обезболивающим местного действия, он продавался как в виде глазных капель, так и раствора для инъекций. Убивать аптекаря ради того, чтобы получить доступ к морфию и кокаину было незачем – эти препараты можно было купить совершенно легально и за небольшие совсем деньги. По объёмам продаж кокаин в те годы входил в пятёрку самых популярных лекарств.

Несмотря на оптимизм детектива Сеймура, сообщившего журналистам о своей уверенности в скорейшем раскрытии убийства, ни через неделю, ни через месяц преступника назвать не удалось. Таинственная брюнетка осталась таинственной, а левшей среди друзей и знакомых Юджина Уэйра не оказалось. Последнее детективы проверяли лично, приглашая на допросы всех, с кем общался убитый, и предлагая им под разными предлогами написать что-либо...

Расследование забуксовало и в январе 1895 г. останови-

лось. Никакой новой информации не поступало, все зацепки были отработаны и не дали результата, никаких идей и продуктивных версий попросту не осталось.

Проходили недели и месяцы. Шансы раскрыть убийство Юджина Уэйра становились всё более эфемерными.

Закончилась зима, минул март, с первых дней апреля в Сан-Франциско установилась тёплая солнечная погода, обещавшая скорый приход самого романтического периода года.

Бланш Ламонт (Blanche Lamont), привлекательная девушка 19 лет, не вернулась домой вечером 3 апреля. И это было очень странно, поскольку Бланш приехала в Сан-Франциско из городка Диллон в Монтане лишь в сентябре 1894 г. и круг её общения в Калифорнии был очень ограничен. Она проживала вместе со старшей сестрой Мод в доме №209 по 21-й стрит, принадлежавшем Чарльзу Ноблу. Жена последнего являлась тётёй Мод и Бланш по матери; сестры Ламонт называли Ноблов "тётёй" и "дядей".

Бланш Ламонт

Бланш и Мод являлись членами баптистской общины «Christian endeavor society», как, впрочем, и супруги Нобл. Община собиралась в баптистской церкви Святого Эммануила (Emmanuel baptist church), находившейся на Бартлетт стрит на удалении немногим более 600 м. от дома Ноблов. Помимо церковных служб и собраний Бланш и Мод посещали школу – собственно, учёба и явилась основной причиной их приезда в Сан-Франциско.

Следует пояснить, что школа, в которую ходили сёстры, не была общеобразовательной – это были специальные курсы, готовившие репетиторов и преподавателей для девичьих школ. Сёстры Ламонт жили весьма замкнуто, по увеселительным заведениям не ходили, предосудительных знакомств не водили. За всё время пребывания в Сан-Францис-

ко Бланш ходила в театр всего 3 раза, а Мод, приехавшая в город двумя месяцами ранее младшей сестры, и того меньше – 1 раз.

Как видно, девушки вели очень замкнутый и смиренный во всех смыслах образ жизни.

Именно поэтому неявка Бланш домой вечером 3 апреля, в среду, застала супругов Нобл и её старшую сестру врасплох – никто из них не ожидал подобного. Преодолев некоторую растерянность, все трое приняли решение не поднимать раньше времени шум и отправились на вечернее молитвенное собрание как ни в чём ни бывало.

Во время собрания сидевший на скамье в предыдущем ряду приходской библиотекарь Теодор Дюрант¹ повернулся в сторону Ноблов и негромко спросил, придёт ли сегодня Бланш? Миссис Нобл ответила отрицательно. Тогда Дюрант пробормотал, что Мод просила у него книгу под названием «The Newcombs» и он, дабы не передавать её через третьи руки, занесёт её в четверг лично. Поскольку 3 апреля являлось средой, по умолчанию было ясно, что речь шла о следующем дне – т.е. 4 апреля.

Но 4 апреля Дюрант в доме Ноблов не появился. Вместо него пришёл почтальон, доставивший бандероль – конверт из жёлтой бумаги почти пустой наощупь. Открыв посылку,

---

¹ На языке оригинала – William Henry Theodore Durant, именно так в документах тех лет записывались имя и фамилия этого человека. Сейчас почему-то его фамилию принято писать через две буквы «г», но в этом очерке мы будем придерживаться оригинальной орфографии.

Ноблы обнаружили 3 золотых колечка, завёрнутых в неровно оборванный кусок бумаги. На бумаге можно было прочесть несколько слов, неровно нацарапанных печатными буквами: «George King» и «Scharenstein». Ноблы знали, что означали эти слова – это были фамилии прихожан той же общины «Christian endeavor society», членами которой являлись сёстры Ламонт и сами супруги. Кроме того, им были хорошо знакомы и золотые кольца – именно такие колечки находились на пальцах Бланш Ламонт перед самым её выходом из дома утром 3 апреля.

Всякие сомнения в принадлежности колец исчезли после того, как содержимое бандероли увидела Мод Ламонт. Дело заключалось в том, что одно из колец принадлежало ей – это был подарок матери на Рождество 1893 года. Уже после приезда в Сан-Франциско Бланш выпросила это колечко у старшей сестры, точнее, обменяла на другое. Поэтому Мод лучше любого другого человека знала, что именно видит перед собой.

Тот факт, что кольца с пальцев Бланш были доставлены по почте, не означал ничего хорошего. Тем удивительнее выглядит нежелание близких пропавшей девушки поставить окружающих в известность о случившемся. Понятно, чем они руководствовались – боялись скомпрометировать незамужнюю девицу, но в той ситуации следовало беспокоиться уже не о компрометации, а о спасении жизни. Если, конечно, жизнь ещё можно было спасти...

Наверное день 4 апреля был очень напряженным и даже мучительным для супругов Нобл и Мод Ламонт – мы не знаем этого в точности, но вряд ли можно усомниться в душевных страданиях родных пропавшей девушки. Однако в этой жизни всё имеет свойство заканчиваться и в отмеренный законами природы час тот день тоже закончился.

И наступил следующий.

Утром 5 апреля – если быть совсем точным, то без четверти девять – в дверь дома Ноблов позвонили. На пороге стоял Теодор Дюрант, библиотекарь баптистской общины, в руках он держал книгу. Дюрант осведомился, может ли он видеть Бланш? Мод не стала говорить ему об отсутствии сестры и уклончиво ответила, что Бланш уже ушла в школу. Теодор как бы невзначай уточнил, как давно Бланш вышла из дома? Мод, стараясь быть вежливой, ответила, что сестра ушла около четверти часа назад, примерно в половине девятого. В принципе, у неё не было ни малейших оснований обманывать библиотекаря или быть с ним невежливой – Теодор являлся одним из первых её друзей в Сан-Франциско, он часто виделся с обеими сёстрами, его родная сестра ходила в театр вместе с Бланш. Тем не менее, Мод в ту минуту почувствовала раздражение оттого, что собеседник демонстрировал необъяснимую настойчивость. Придерживаясь ранее выработанного вместе с тётёй и дядей плана, Мод обманула Теодора, заверив его, что сестра находится на пути в школу. Дюрант сказал, что направляется в больницу – он заканчи-

вал обучение в медицинской школе и подрабатывал в больнице – и по пути решил занести книгу, которую несколько дней назад обещал Бланш.

Дюрант передал книгу – это был томик "The Newcombs", упоминайся им в краткой беседе в церкви вечером 3 апреля. Раскланявшись с Мод, он отправился по своим делам.

Если посещение Теодором Дюрантом дома супругов Нобл не имело прямой связи с исчезновением Бланш Ламонт, то другое событие, также произошедшее в тот день, находилось в прямой с ним связи. Точнее даже, оно явилось следствием таинственного исчезновения.

Во второй половине дня Мод, вернувшись из школы, сложила бумаги пропавшей сестры – её дневники, полученные письма, учебные конспекты – и... отправила их домой в Монтану. Забегая немного вперёд, добавим, что по получении посылки мать Бланш сожгла всё, написанное младшей дочерью, не сохранив даже собственные письма, адресованные ей. То есть вся переписка между матерью и пропавшей без вести дочерью исчезла!

Это очень интересный момент, который мог бы иметь весьма и весьма далеко идущие последствия, если бы не ряд иных событий, о которых будет сказано в своё время. Об уничтожении дневников и писем пропавшей без вести девушки очень важно сейчас сказать, поскольку читатель скорее всего не найдёт упоминаний об этом в современной американской литературе. Данный факт отражён только в судеб-

ных протоколах. Поведение матери и старшей сестры представляется с одной стороны, странным, а с другой – хорошо согласованным. Мод, отправляя матери бандероль с эпистолярным наследием Бланш, явно приложила к грузу некое письмо. Старшая сестра явно желала, чтобы мать ознакомилась с полученным грузом и уже после этого приняла решение, как с ним поступить.

Мать, повторим, предпочла сжечь всё, написанное пропавшей дочерью.

Ощущение странности поступков старшей сестры и матери ещё более усилится, если мы примем во внимание то обстоятельство, что все эти действия совершались до того, как об исчезновении Бланш Ламонт была проинформирована полиция Сан-Франциско.

Вечером того же дня – напомним, речь идёт о 5 апреля – в дом Ноблов явились тот самый библиотекарь Дюрант, что утром приносил книгу, и доктор Фогель, член той же самой баптистской общины, к которой принадлежали сёстры Ламонт. Ссылаясь на Кларенса Вольфа, преподавателя школы, которую посещала пропавшая девушка, они заявили, что им известно об отсутствии Бланш. Добавив несколько слов о том, что они крайне встревожены этой прискорбной новостью, мужчины сообщили о своих предположениях на сей счёт. Дюрант и Фогель заявили, что им кажется весьма вероятным похищение Бланш Ламонт с целью последующей перепродажи в публичный дом, и добавили, что имеют кое-

какие связи в Сан-Франциско и займутся самостоятельным розыском пропавшей.

В Калифорнии тех лет имелись весьма многочисленные диаспоры различных национальных меньшинств, прежде всего, китайцев и мексиканцев. Первые завозились в Соединенные Штаты в качестве дешёвой рабочей силы для строительства железных дорог, вторые же являлись коренным населением этих мест [Калифорния до 1847 г. года входила в состав Мексики, так что испанцы и их потомки появились в тех местах на пару столетий ранее англо-саксов]. Публичные дома, в которых белые женщины подвергались нещадной сексуальной эксплуатации всякого рода «цветными» мужчинами, являлись своеобразной городской легендой, чрезвычайно популярной в некоторой части тогдашнего калифорнийского общества. Рассказни такого рода для придания им правдоподобия нередко сопровождались разнообразными деталями скабрёзного свойства, в частности, сведущие люди утверждали, будто китайские мужчины очень любят лишать юных белых леди девственности и готовы платить посредникам за услуги подобного рода огромные деньги. Бросая ретроперспективный взгляд, сложно не предположить, что «страшилки» подобного рода распространялись умышленно и преследовали цель консолидировать «белую» часть американского общества перед угрозой со стороны «небелой».

При этом нельзя не отметить, что правдоподобия расска-

зам о подпольных публичных домах для «белых рабынь» придавало то обстоятельство, что похищения молодых девушек и женщин с целью их последующей сексуальной эксплуатации в те годы действительно происходили. Жертвы похищений продавались в публичные дома как правило на большом удалении от дома или вообще на территориях других штатов. Но неприятная для «белой» Америки правда, о которой старались не говорить ни тогда, ни сейчас, заключалась в том, что пользовались услугами «белых» рабынь отнюдь не представители национальных меньшинств, а вполне себе белые англо-саксы. В Соединенных Штатах той поры существовала проституция для «цветных», но правильнее её было бы считать «проституцией для самых бедных», поскольку члены национальных диаспор в своей массе были значительно беднее белого большинства. И сфера секс-услуг поддерживалась как в те года, так и сейчас поддерживается отнюдь не трудом рабов, а вполне себе заинтересованных добровольцев. Следует признать, что похищение девушек и женщин с целью принуждения к занятию проституцией представляется неудачной бизнес-идеей, поскольку во всех отношениях выгоднее предлагать им попробовать подобный промысел добровольно. Именно так и работает система вовлечения людей в сексуальную эксплуатацию.

Таким образом, предположение Дюранта и Фогеля о похищении Бланш Ламонт с целью продажи в публичный дом являлось отзвуком весьма распространенной в Калифорнии

тех лет городской легенды, а потому неудивительно, что супруги Нобл и Мод Ламонт, внимательно выслушавшие визитёров, отнеслись к их словам с должным пониманием.

Что происходило 6 апреля мы в точности не знаем. Этот день выпал из воспоминаний всех, причастных к описываемым событиям.

Лишь 7 апреля – после того как минули 3,5 суток безвестного отсутствия Бланш Ламонт – Чарльз Нобл явился в Департамент полиции Сан-Франциско и попросил принять меры по розыску племянницы жены.

В это же самое время уже раскручивалась другая пугающая история, во всём схожая с приключившейся с Бланш.

Цепочка драматических событий началась двумя днями ранее – т.е. 5 апреля 1895 г. – с исчезновения Эллы Форсайт (Ella Forsyth), в девичестве Флэгг (Flagg) очень привлекательной 20-летней брюнетки. В 1893 г. она вышла замуж за Джорджа Форсайта (George W. Forsyth), представительного джентльмена, работавшего пресс-секретарём в крупной фирме, занимавшейся производством всевозможной рекламы под названием «Schmidt label and lithographing company». Пара проживала в доме №1604 по Ларкин стрит (Larkin street) на удалении немногим более 2,5 км. от пляжа в районе Форт-Мэйсон, куда в день своего исчезновения планировала направиться Элла. Джордж был на 18 лет старше своей избранницы и, судя по всему, искренне её любил, во всяком случае полиция во время расследования не нашла сви-

детельств каких-либо конфликтов между супругами.

Погода в пятницу 5 апреля выдалась очень хорошей, тёплой, солнечной, водная гладь в проливе Золотые ворота и заливе Сан-Франциско в такие дни всегда выглядела тихой и романтической, а потому идея Эллы прогуляться вдоль воды показалась Джорджу совсем неплохой. И уж точно безопасной во всех отношениях. Прощаясь с женой перед уходом на работу, Джордж услышал о её намерении пойти прогуляться у залива, поискать ракушек и одобрил замысел. По мнению автора сбор ракушек на пляже представляется занятием немного странным для замужней женщины, но... может быть, так в семье Форсайт было принято проводить подобным образом свободное время? Позднее Джордж заявил полицейским, что время от времени он с женою действительно отправлялся погулять на пляж. В любом случае, береговая линия в районе Форт-Мэйсон являлась местом совершенно безопасным, волнение воды при хорошей погоде там практически не отмечалось, а потому прогулка по пляжу ничем плохим Элле не грозила.

По этой причине Джордж Форсайт был крайне удивлён, когда вернувшись вечером домой с работы, не нашёл любимую. Элла исчезла! Мужчина отправился на пляж, бродил там до полуночи и утро следующего дня также начал с осмотра прибрежной полосы.

Хотя уже 7 апреля Джордж сообщил полиции об исчезновении жены, его заявление не вызвало особого интереса

правоохранителей. Мало ли что может приключиться у семейных людей – молодая жена уехала к маме или же просто решила проучить муженька после небольшой размолвки... Всякое бывает! Однако после того, как ни 7, ни 8 апреля Элла домой не возвратилась и никаких вестей о себе не подала, полиция Сан-Франциско принялась за розыск всерьёз.

Тем более, что к этому времени уже появилось заявление об исчезновении Бланш Ламонт. Имелось ещё одно соображение, питавшее самые мрачные предчувствия – пропавшие женщины имели весьма схожий типаж внешности. Они были худощавы и имели высокий по тем временам рост (Бланш Ламон весила 52 кг. при росте ~174—175 см., а вес Эллы Форсайт приближался к 63 кг. при росте ~168 см.), притом являлись брюнетками. Схожесть их типажа не могла не бросаться в глаза полицейским, привыкшим иметь дело со словесными портретами.

Неужели исчезновение с интервалом в 2 дня двух очень схожих внешне молодых женщин, проживавших в безопасных районах и благополучных семьях, могло быть случайностью?

Начиная с 9 апреля были опрошены все знакомые Эллы Форсайт, а всем родственникам, проживавшим вне Сан-Франциско, направлены уведомления с просьбой связаться с департаментом полиции в случае получения каких-либо известий о без вести отсутствующей Элле. В газетах появились сообщения соответствующего содержания. Дом Фор-

сайтов был осмотрен с целью выявления следов насилия или какой-либо криминальной активности. Сразу скажем, что ничего подозрительного найти не удалось – ни следов крови, ни сломанных замков, ни выбитых стёкол.

Детективы, разумеется, озаботились версией возможного бегства жены от постылого мужа. Джордж Форсайт подозрения такого рода отверг категорически. Во-первых, он обратил внимание полицейских на то, что в кошельке Эллы находились всего 35 центов – с такими деньгами не бегут из дома! – при этом на бюро в гостиной остались лежать 20\$. Во-вторых, Элла практически не выходила из дома в одиночку, обычно её сопровождала двоюродная сестра Джорджа, проживавшая вместе с ними. В-третьих, вся косметика и одежда Эллы, кроме той, что была на ней, осталась в шкафах. Скажите на милость, какая дама, привыкшая к достатку, сбежит из дома, не прихватив из гардероба любимые вещи?!

Доводы звучали логично и убедительно, но полицейские вполне здраво заподозрили возможную интрижку исчезнувшей женщины с кем-то из церковной общины. Привлекательная дама приходит в храм одна, там встречается с привлекательным священником или привлекательным прихожанином... Джордж Форсайт с ходу отбил и эту версию, заявив, что супруга его была методистского вероисповедания, но безо всякого фанатизма и к походам в храм не тяготела.

Mrs. Forsyth.

Элла Форсайт (рисунок из газетной публикации в апреле 1895 г.)

Джордж сообщил адреса церквей, которые посещала его жена, и его слова были проверены. Всё подтвердилось – Элла приходила в храм Божий нерегулярно, ненадолго и всегда одна. Версия о возможной интрижке с кем-то из прихожан категорически отвергалась священниками и старейшинами общин – по их уверениям подобное поведение от глаз «братьев и сестёр во Христе» скрыть было бы невозможно.

После того, как местные газеты сообщили об исчезновении Эллы Форсайт, в дело включились равнодушные жители. Некий мужчина, проживавший с женой на пришвартованном у пирса рядом с пляжем шлюпе «Блэк

пойнт» («Black point»), передал в полицию поясok от дамского платья, найденный у обреза воды. То, что поясok являлся принадлежностью дамского туалета, можно было заключить из того, что он был слишком узок и слишком ярок для ношения мужчиной. Когда вещьцу предъявили Джорджу Форсайту, тот её не опознал.

Затем появилась другая подозрительная находка. Гулявшая по пляжу парочка обнаружила совершенно новую чёрную туфельку с квадратным носком. Заподозрив неладное, молодые люди отнесли вещьцу в полицию. Находку снова предъявили для опознания Джорджу Форсайту и тот воскликнул, что она в точности походит на туфельки, которые были у Эллы, но... В таких историях всегда находится какое-то «но»! Но проблема заключалась в том, что найденная туфелька была детской и имела 2-й размер по американской обувной шкале, а Элла носила 5. А потому находка эта не могла иметь отношения к исчезновению.

Имелись определенные моменты, сбивавшие полицию с толку. Так, например, Джордж Форсайт заявил, будто Элла намеревалась купить корзинку для ракушек. Но для того, чтобы купить корзинку и проехать на трамвае к пляжу и обратно, 35 центов не хватило бы! Означало ли это, у Эллы имелись какие-то деньги, о которых не знал муж?

Другая нестыковка заключалась в маршруте следования от дома на Ларкин стрит к пляжу у Форт-Мэйсон. Расстояние, как отмечено выше, было довольно большим, вряд ли

женщина отправилась туда пешком. Тем более, что трамваи в нужном направлении ходили во множестве, ждать пришлось бы не более 3—5 минут. Однако ни один вагоновожатый и ни один кондуктор не вспомнил женщину, отвечающую приметам Эллы Форсайт.

Разумеется, полицейские заподозрили в причастности к исчезновению самого Джорджа Форсайта и допустили возможность проблем в семье. В Сан-Франциско проживал один из двух родных братьев Эллы – он был ночным управляющим ресторана Дэйра (Dare) на Стоктон стрит (Stockton street). Это было одно из самых роскошных заведений такого рода в Сан-Франциско тех лет. Мужчина был допрошен, но его показания ясности в произошедшее не внесли. По его словам, он ничего не знал о предполагаемых конфликтах в семье сестры и никаких версий о причинах её исчезновения не имеет.

Как видим, в те апрельские дни детективы полиции Сан-Франциско пытались разобраться в произошедшем с Эллой Форсайт со всей возможной тщательностью и отработывали все мыслимые версии.

Схожая работа проводилась и по факту исчезновения Бланш Ламонт. В этом случае ситуация упрощалась до некоторой степени тем, что Бланш имела очень ограниченный круг общения и проверка благообразных прихожан баптистской церкви особых проблем не создавал. Довольно быстро, буквально в течение 1—2 дней, группа детективов собрала

весьма любопытную информацию о событиях 3 апреля – последнего дня, когда Бланш Ламотт видели живой.

Примерно без четверти 9 девушка вышла из дома Ноблов, имея при себе несколько книг и тетрадей, перетянутых узким кожаным ремешком [Бланш не пользовалась портфелем, а носила книги, обвязанные ремнём]. На пути к трамвайной остановке она повстречала Теодора Дюрранта, они немного прошли вместе и затем разошлись. Бланш благополучно посетила занятия в школе, находившейся на Пауэлл стрит в северной части города. Занятия окончились в половине второго часа пополудни, после чего Бланш вышла на улицу. В 14 часов или чуть позже девушку видели на остановке трамвая на Полк-стрит – именно этой остановкой она пользовалась при возвращении домой.

До этого момента события развивались совершенно обыденно, ничто не указывало на нестандартность или подозрительность происшедшего. Далее стало интереснее – свидетели обратили внимание на подошедшего к девушке молодого человека, который оживленно заговорил с нею. Они вместе сели в подошедший трамвай и проехали почти 6 км. на юг, проведя довольно много времени в обществе друг друга, учитывая неторопливость тогдашнего транспорта. Во время поездки собеседник стоял довольно близко к Бланш, наклонялся к её уху и что-то подолгу шептал, а кроме того, по-свойски похлопывал её плечо замшевыми перчатками, которые держал в руке. Он производил впечат-

ление хорошего знакомого Бланш Ламонт.

Поскольку круг мужчин, с которым Бланш общалась, был очень ограничен, детективы не стали долго ломать голову и просто-напросто предъявили свидетелям фотографии всех членов баптисткой общины «Christian endeavor society» мужского пола. Лиц, подходящих по возрасту и приметам – рост немногим выше 170 см., худощавого телосложение, рыжеволосый, возраст около 25 лет – насчитывалось совсем немного, так что идентификация особых проблем не вызвала. Все свидетели, видевшие Бланш на остановке трамвая и в трамвае, опознали в спутнике пропавшей девушки Теодора Дюрранта, церковного библиотекаря. Следует отметить, что ошибиться опознающие вряд ли могли поскольку, во-первых, собеседник Бланш был немного её ниже – а Дюррант действительно был ниже Ламонт! – а во-вторых, имел тёмно-рыжие волосы и Дюррант действительно был рыжеволос.

Где же вышли Ламонт и Дюррант? Трамвай они покинули на 21-й стрит, что представлялось вполне логичным. Совсем неподалёку на Бартлетт стрит (Bartlett street), между 22-й и 23-й стрит, находилась та самая баптисткая церковь, прихожанами которой являлись оба. От остановки трамвая до церкви надо было пройти около 350 метров. А расстояние до дома №209 по 21-й стрит, где проживала Бланш Ламонт, составляло около 700 м., правда направления движения к дому и церкви не совпадали². Дом супругов Нобл на-

---

² Автор считает необходимым уточнить, что нумерация домов в нынешнем

ходился к востоку от остановки, а церковь – юго-восточнее.

Полиция отыскала свидетеля, утверждавшего, что Бланш и Теодор направились к церкви. Причём в надёжности этого свидетеля можно было не сомневаться, поскольку он, точнее, она знала как Ламонт, так и Дюранта. На пути от трамвая к церкви парочку видела Мэри Фогель (Mary Vogel), жена приходского старейшины, того самого, с которым Дюррант приходил в дом Ноблов 5 апреля.

Итак, приблизительно в 15:10 или несколько позже пропавшую девушку в последний раз видели на улице. Дома она не появилась и последним человеком, с которым общалась Бланш являлся церковный библиотекарь.

К вечеру 10 апреля детективы поняли, что в этом деле Теодора Дюранта слишком много. Его имя и фамилия всплывали буквально на каждом повороте сюжета. Вечером 3 апреля он спрашивает о неявке Бланш на молитвенное собрание у её близких... обещает занести книгу на следующий день, но не заносит... а заносит на утро 5 апреля и опять спрашивает о присутствии Бланш... затем возвращается вечером того же дня, приводит с собой доктора Фогеля и заявляет о решимости отыскать Бланш в борделе... Да что же

Сан-Франциско и направление многих улиц радикально не совпадают с тем, каковыми они были в описываемое время. Причина тому кроется в значительной перепланировке города, имевшей место после разрушительного землетрясения в апреле 1906 г. Тогда сейсмические толчки разрушили значительную часть города, а последовавшие пожары, длившиеся более 4 суток, довершили катастрофу городского хозяйства.

это за активность такая, в какую сторону не плюнь, попадёшь в библиотекаря!

Церковь Святого Эммануила на Бартлетт стрит между 22-й и 23-й стрит являлась массивным деревянным сооружением с закрытой колокольной. Здание было построено в 1891 г. и его возведение обошлось в ценах того времени в 30 тыс.\$

Неудивительно, что личность неприметного на первый взгляд молодого человека привлекла к себе внимание полицейских. Дюрант родился в Канаде в 1871 г. в семье сапожника. Кроме него в семье был ещё один ребёнок – младшая сестра Бюла Мод (Beulah Maud Durrant), родив-

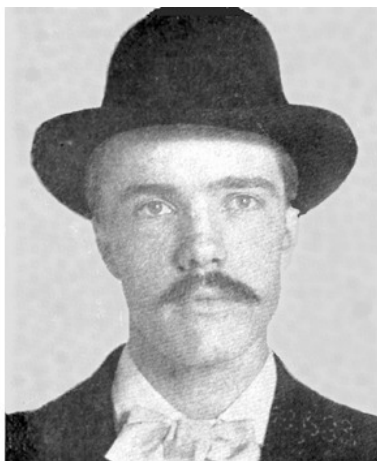
шаяся в 1873 г. В поисках лучшей доли семья перебралась в Калифорнию и понемногу обустроилась. Отец – Уилльям Дюрант – завёл собственную мастерскую по починке обуви, сестра обучалась музыке и мечтала выступать в театре. В феврале 1895 г. Бюла Мод уехала в Европу, где поступила в Берлинскую школу музыки, чем родители девушки чрезвычайно гордились. В начале 1890-х гг. в семье появился достаток, позволивший оплатить обучение Теодора в Медицинской школе Купера. В 1895 г. тот уже заканчивал обучение. Наряду с обучением, Теодор успевал подрабатывать в больнице, исполнял обязанности библиотекаря и завхоза в церкви Святого Эманнуэля и даже состоял в рядах Сигнального корпуса Калифорнии [Это парамилитарная организация, выполнявшая функцию подготовки резерва для Национальной гвардии и Вооруженных сил страны].

Поскольку всё странным образом сходилось на Дюранте, полицейские решили с ним обстоятельно поговорить. Повод для этого имелся более чем веский – молодой мужчина являлся последним, кто видел Бланш Ламонт живой, по крайней мере последним из тех лиц, что были известны правоохранительным органам.

Неформальная беседа с Дюрантом произошла 11 апреля. И следует признать, результат разговора оказался для детективов весьма неожиданным. Теодор дал очень простые и логичные ответы на все вопросы, интересовавшие полицейских.

Он рассказал, что утром 3 апреля мельком виделся с Бланш, они вместе дошли до остановки трамвая и там разошлись.

Далее Теодор подтвердил, что был знаком с сёстрами Ламонт самого момента их появления в Сан-Франциско, уточнив при этом, что никаких особых отношений между ним и пропавшей без вести Бланш не существовало. Теодор настаивал на том, что никогда не уединялся с Бланш и не провожал её до дома. Дважды после собрания вечером он возвращался вместе с нею одной дорогой, но оба раза рядом с ними шёл Джордж Нобл, так что ни о каких флиртностях или неких частных разговорах не могло быть и речи.

Теодор Дюрант производил на всех, знавших его, в выс-

шей степени положительное впечатление. Хорошо воспитанный и образованный молодой человек всё своё время посвящал людям. После учёбы в медицинской школе он спешил в больницу, где трудился простым медбратом, оттуда мчался в баптистскую церковь, где не только бесплатно работал библиотекарем, но и безвозмездно выполнял разнообразные поручения от уборки территории, до обслуживания обедов для малоимущих. Человек буквально жил для других, не побоюсь даже сказать – горел! Эдакий Данко... Знавшие Теодора удивлялись, как у него хватает на всё времени и сил?

Также Теодор разъяснил характер отношений между его младшей сестрой и Бланш Ламонт. По его словам девушки были знакомы и прекрасно ладили. Бюла Дюрант, по его словам, жила театром и мыслями об артистической карьере, она трижды приглашала Бланш в театр, но – и Теодор это подчеркнул особо! – он никогда не присоединялся к ним и все эти походы проходили без его участия.

При этом Дюрант признал, что он действительно бывал любезен с молоденькими девушками из числа прихожанок и не отказывался от того, чтобы иной раз проводить какую-либо красавицу после службы. Но он всегда держал себя в рамках приличий, и уж тем более не допускал их нарушения в отношении Бланш Дюррант, поскольку прекрасно знал, в сколь строгой семье она воспитывалась и насколько благонравны были как её родители, как и почтенные мистер

и миссис Нобл.

Рассказывая о событиях 3 апреля, Теодора заявил, что пробыл весь день в медицинской школе, из которой вернулся около 17 часов. Домой он не пошёл, а отправился в церковь Святого Эммануила, там его видел органист и руководитель церковного хора Джордж Кинг. Вместе с ним Дюрант покинул храм в начале шестого часа вечера, приблизительно с 17:45 до 18:30 он ужинал дома в обществе матери, а затем отправился на вечернее собрание общины.

И это всё! Во второй половине дня 3 апреля он с Бланш Ламонт не виделся и в одном трамвае с нею не ездил, ибо после 14 часов находился на лекции по детскому питанию профессора Чини в медшколе.

В общем, отбрил – так отбрил! Хотя у полицейских в начале разговора имелись формальные основания для задержания молодого человека, ближе к его окончанию стало ясно, что детективы смотрят не в ту сторону.

Утверждение Дюранта о присутствии в церкви органиста было проверено. Джордж Кинг подтвердил появление Дюранта в здании около 17 часов или немногим позже. По словам органиста, приблизительно в 17 часов он увидел библиотекаря с красным заплаканным лицом. На вопрос: «Что произошло?» – Теодор ответил, что занимался починкой фонаря в зале общих собраний на втором этаже и надыхался газом³, у него кружится голова и он нехорошо себя чувству-

---

³ До широкого внедрения электрического освещения в быту использовались

ет. Кинг живо отправился в аптеку, купил бутылку содовой воды и пакетик брома, принёс их Дюранту, который сделал бромовый раствор и выпил его. После чего они вместе покинули церковь и Дюрант даже немного проводил его, Кинга, пройдя рядом пару кварталов.

История с неисправным газовым фонарём не выглядела сильно подозрительной, поскольку отравления свечным газом являлись приметой того времени и практически каждый житель крупного европейского или американского города в те годы периодически оказывался в ситуациях, схожих с той, в какую попал библиотекарь. Дюрант хотя и работал номинально с книгами, на самом деле исполнял функции и грузчика, и завхоза, и уборщика. В общем, как говорится в России в таких случаях, мастер на все руки от скуки...

По всему получалось, что свидетели, видевшие Бланш Ламонт с тёмно-рыжим молодым человеком, попросту спутали его с Дюрантом. История стара, как мир, ошибочные опознания происходят постоянно – опытный детектив эту истину знает, как никто другой!

В эти дни в прессе уже появились первые заметки, связывавшие исчезновения Бланш Ламонт и Эллы Форсайт, хотя муж последней и выступил с категорическим возражением.

газовые фонари, сжигавшие газ, получаемый из коксующегося угля. Для подачи газа к светильникам внутри домов прокладывались весьма сложные системы трубопроводов. Система газового освещения была крайне неудобна в эксплуатации и весьма опасна, поэтому она на пороге XIX – XX столетий оказалась повсеместно вытеснена из употребления электроламповым освещением.

ем против того, чтобы случившееся с его женой рассматривалось вкупе с какими-то другими инцидентами. Он заявил журналистам, что по его мнению Элла во время прогулки у кромки воды поскользнулась на камнях и упала в волны прибоя. И поскольку женщина плавать не умела, подобное падение оказалось для неё фатальным.

Сложно сказать, как бы развивались события далее – ибо полиция не имела рабочих версий и явно выглядела дезориентированной – но 13 апреля произошли события, придавшие делу совершенно неожиданный поворот.

Это была предпасхальная суббота и тем утром несколько прихожанок занимались украшением церкви Святого Эммануила к предстоящему празднику. Среди них находилась некая миссис Нольте [имя женщины неизвестно], только вступившая в общину и впервые работавшая в храме.

Она поинтересовалась, можно ли ей посмотреть библиотеку при церкви? В помещении библиотеки никаких работ в тот день не планировалось, поэтому Теодор Дюрант уехал из Сан-Франциско на сборы Сигнального Корпуса, однако, ключ был оставлен и в библиотеку можно было войти без особых затруднений. Любопытствующую миссис Нольте вызвала проводить наверх Ли́ла Берри (Lila Berry), а затем и миссис Стивенс. В общем, из 3 дамочек составила компания, которая отложила в стороны цветочные гирлянды и направилась в библиотеку.

Там они увидели то, что каждая наверняка запомнила

на всю оставшуюся жизнь. В небольшой уборной, в которую можно было пройти через библиотечный зал, на полу лежало мёртвое тело. И Лила Берри, и миссис Стивенс хорошо знали кому оно принадлежало – это была Минни Флора Уилльямс (Minnie Flora Williams), прихожанка той же самой церкви Святого Эммануила, что и обнаружившие труп. Минни, родившейся в августе 1873 г., шёл 22-й год, это была милая брюнетка, многими чертами своего облика напоминавшая Бланш Ламонт и Элли Форсайт, хотя, будем сейчас объективны, в ту минуту об этой мелочи никто не подумал.

Перепуганные увиденным женщины сбежали вниз, позвали общинного старосту Фогеля, тот немедленно послал за полицией. Первыми прибыли патрульные во главе с Эдвардом Сомпсом (E. F. Soms), затем появился отряд из 5 детективов под командованием старшего детектива Гибсона. В течение дня на место происшествия подъехали окружной прокурор Барнс (Barnes) и начальник Департамента полиции Кроули (Crowley). Ситуация, что и говорить, была экстраординарной, не каждый день и даже не каждое десятилетие в церкви находят убитую молодую девушку!

Уборная представляла собой помещение размером 2,4 м. * 3 м., в ней находился небольшой столик, залитый кровью. На пол натекли две большие лужи крови, расстояние между ними составляло около 1 м. Одна из стен до высоты ~2,5 м. была покрыта мелкими брызгами крови, не вызывало сомнений, что этот фонтан брызнул при попадании ножа в круп-

ную артерию на шее. Рядом с трупом Минни Уилльямс лежали перепачканные кровью библиотечные карточки, с записями книг, выданных читателям. Одна из карточек принадлежала, кстати, Бланш Ламонт, но полицейские не придали этому особого значения. Обстановка выглядела таким образом, что никаких сомнений в том, где именно произошло нападение, не оставалось. Уборная являлась местом убийства – в этом можно было не сомневаться!

Тёмно-багровые кожные покровы лица и шеи свидетельствовали о душении, которое предшествовало ударам ножа, на горле были хорошо различимы осаднения кожи, оставленные ногтями убийцы. Нос и губы девушки были разбиты в кровь. Платье было частично разорвано на плечах и груди, по-видимому это случилось в процессе отчаянной борьбы. Осмотр судебным врачом показал, что Минни были нанесены 7 ударов ножом. Сочетание душения с использованием холодного оружия представлялось до некоторой степени странным, можно было допустить, что убийца прибег к оружию в безвыходной ситуации когда понял, что не может справиться с жертвой.

Марион (Минни) Уилльямс. Благодаря стечению обстоятельств тело убитой девушки оказалось найдено ещё до того, как стало известно о её исчезновении.

Полицейская работа оказалась не очень сложной. Логика рассуждений детективов выглядела во многом формальной и несокрушимой. Быстро выяснив, что ещё накануне вечером Минни была жива и отправилась в церковь Святого Эммануила, детективы уточнили, у кого вчера вечером находились ключи от библиотеки и, сложив два и два, заявили, что необходимо допросить Теодора Дюранта. Их уверенность в справедливости возникших подозрений окрепла после того, как стало известно об обнаружении в крови под телом убитой короткого рыжего волоса. Рыжеволосым моло-

дым человеком как раз и являлся приходской библиотекарём Теодор Дюрант!

Последний находился с группой резервистов из т. н. Сигнального корпуса в районе горы Диабло (Mount Diablo) на противоположной стороне залива Сан-Франциско. Группа полицейских во главе с детективом Абрахамом Энтони (Abraham Anthony) отправилась к паромной переправе, но слух о чудовищном убийстве в баптистском храме бежал впереди них. Перед церковью Святого Эммануила собралась толпа, которая росла с каждой минутой. На месте преступления появились репортёры, благодаря которым первые сообщения о кошмарной трагедии в помещении церкви, да притом ещё перед великим христианским праздником, попали уже в вечерние выпуски местных газет.

То, что полиция намерена отыскать Теодора Дюранта с целью допросить о возможной причастности к убийству Минни Уилльямс, стало известно очень быстро, причём непонятно от кого же именно. Вполне возможно, что эту важнейшую информацию сообщили газетчикам или кому-то из зевак сами же полицейские.

Как бы там ни было, о том, что группа полицейских направилась к парому, чтобы отправиться на гору Дьябло и задержать подозреваемого, стало известно товарищам последнего. Они сообщили об этом двоюродному брату Дюранта и тот помчался на пост гелиографической связи, где несли дежурство его друзья. С их помощью он посредством сема-

фора передал сообщение с предупреждением о предстоящем аресте на гору Дьябло, где оно попало в руки Теодору.

Тот получил прекрасную возможность скрыться, поскольку никто из товарищей по Сигнальному Корпусу препятствовать ему в этом не собирался, а фора времени до прибытия полиции составляла несколько часов. Тем не менее, Дюрант скрываться не стал, а спустился с горы и направился навстречу полицейским.

В городке Уолнат-Крик он сдался в руки «законников». Поскольку время клонилось к ночи и перевозка в тёмное время суток представлялась небезопасной, в т.ч. из-за угрозы нападения на конвой с целью линчевания подозреваемого, было решено провести ночь в гостинице в Уолнат-Крик. Дюрант разместился в одной комнате с детективом Энтони, руководившим его арестом. Мужчины практически не спали и провели время в разговорах. Дюрант был общителен и демонстрировал абсолютную уверенность в том, что сделавшись жертвой ошибки и его непременно освободят в ближайшее время.

Впоследствии Энтони признавался, что Теодор явно переигрывал и вёл себя ненатурально. Дело в том, что для невинного человека ошибочный арест – это тяжёлый стресс, отягощенный сознанием того, что его незаслуженно считают лжецом и подонком. Переживать в такой обстановке, беспокоиться о своём честном имени, страдать из-за мыслей о возможном позоре, который ляжет на арестованного и его близ-

ких – это нормальная человеческая реакция. Ненормально как раз не демонстрировать подобных реакций! Преступник, уверенный в том, что против него нет улик, может спокойно уснуть перед началом допроса, но ошибочно обвиненный не уснёт никогда! Так что в каком-то смысле Дюрант своим развязным и высокомерно-снисходительным поведением себя разоблачил, хотя и не понял этого. Энтони, глядя на то, как арестованный целую ночь ломал перед ним комедию, пришёл к выводу, что совесть у этого человека нечиста, но тот считает, что хорошо подготовился к полицейской атаке и сумеет отбить все обвинения.

Следует заметить, что детектив Абрахам Энтони, задержавший подозреваемого, являлся человеком довольно необычным и в своём деле очень опытным.

DETECTIVE ABRAHAM ANTHONY

Детектив Абрахам Энтони произвёл задержание Теодора Дюранта во второй половине дня 13 апреля 1895 г. и в дальнейшем сопровождал подозреваемого в Сан-Франциско.

Он преимущественно назначался на розыск пропавших без вести женщин – согласитесь, интересная специализация! По словам знавших этого человека, Энтони отличала способность поддерживать доброжелательный разговор и слушать, не перебивая. Он с одного взгляда располагал к себе свидетелей и умел нравиться женщинам, что было особенно важно при его полицейской специализации.

За период с 1880 г. по 1899 г. – то есть за 19 лет работы детективом – он отыскал более 1 тыс. исчезнувших девушек и женщин. Абрахам работал настолько эффективно, что кол-

леги даже прозвали его «Охотником за женщинами» – если вдуматься, это очень лестное для самолюбия детектива прозвище. Эффективность Энтони не всегда была позитивной, некоторые исчезнувшие без вести дамочки наотрез отказывались возвращаться в брошенные семьи. В этом смысле, например, совершенно анекдотично выглядит история беглянки Энни Мейерс, которая узнав о том, что детектив намерен вернуть её домой, решила сбежать от него и спрыгнула с балкона, возвышавшегося над землёй более чем на 7,5 м.! И убежала от детектива, правда, не очень далеко... Что поделать, результат полицейской работы может оказаться порой совершенно неожиданным даже для бывалого полицейского...

К тому времени, когда утром 14 апреля паром доставил Дюранта в Сан-Франциско, на пристани уже собралась толпа приблизительно в 500 человек, выкрикивавшая угрозы в адрес задержанного и демонстрировавшая намерение учинить самосуд. Полицейские, опасаясь расправы, заперлись в рубке капитана и демонстративно обнажили оружие. Напряжённое противостояние продолжалось некоторое время – приблизительно четверть часа, а возможно, и более – до тех пор, пока на пристани не появился большой отряд конной полиции. Это склонило чашу весов на сторону «законников», толпа была оттеснена от парома, задержанный выведен на берег и в коляске доставлен в здание Департамента полиции.

Так закончилось для Теодора Дюранта недобровольное

возвращение в Сан-Франциско. Подозреваемый оставался совершенно спокоен и демонстрировал готовность отвечать на вопросы, но с этим полицейские власти решили немного повременить, дабы получше подготовиться.

В то самое время, пока арестованного везли в тюрьму, по месту проживания семьи Дюрант в доме №1025 по Фэйр оак стрит (Fair oaks street) был проведен обыск. Результат этого важного следственного действия оказался весьма любопытным и по-настоящему неожиданным как ввиду того, что было найдено, так и того, что найти не удалось.

Таким газетный художник увидел Теодора Дюранта, увозимого с пристани в полицейском экипаже.

Неожиданной находкой оказался дамский кошелёк, лежавший в кармане пальто Теодора Дюранта. Кошелёк при-

надлежал... убитой Минни Уилльямс, причём какие-либо сомнения в этом можно было исключить, поскольку вещь была подарена девушке отцом на день её рождения и опознана им же при предъявлении полицейскими.

Никто не ожидал найти в вещах Теодора такую улику, но тот явно сплеховал и либо не успел по какой-то причине от неё избавиться, либо – что следовало признать более вероятным! – попросту позабыл о вещице, засунутой второпях во внутренний карман.

Но интересным следовало признать и то, чего детективы отыскать не смогли, хотя и очень рассчитывали. Речь идёт о следах крови на одежде, которых должно было быть много. Ведь место обнаружения трупа Минни Уилльямс было сплошь в крови! **Дюрант не мог не запачкаться в крови, разумеется, при том условии, если он действительно являлся убийцей.** Однако ни единой капли крови на одежде в доме обвиняемого найти не удалось. Причём, не только на его одежде, но и на одежде отца [ведь нельзя было полностью исключить того, что сын в день совершения преступления воспользовался чужими вещами].

Этот результат оказался по-настоящему обескураживающим и загадал правоохранительным органам серьёзную загадку, над которой пришлось поломать голову. В своём месте мы увидим, как отмеченная странность была объяснена стороной обвинения, пока же вернёмся к общей хронологии событий.

Дюрант сохранял полное самообладание на протяжении всего 13 апреля. Будучи утром 14 апреля доставлен в тюрьму, он встретился с адвокатом Джоном Дикинсоном (Dickinson), от услуг которого впоследствии не отказывался. Таковую преданность однажды выбранному защитнику нечасто видишь в делах, связанных с преступлениями на сексуальной почве⁴.

В это же самое время в церкви Святого Эммануила за закрытыми дверями продолжалась невидимая посторонним работа. Полицейские власти утром 14 апреля продолжили осмотр храма, начатый накануне. Никакой конкретной цели этот осмотр не имел и никто толком не знал, что же надлежит искать – просто следовало внимательно изучить здание от подвала до колокольни, дабы найти нечто, что может иметь связь с убийством Минни Уилльямс.

Приблизительно около часа пополудни детектив Гибсон

---

⁴ Поскольку данный пассаж может показаться читателю не совсем понятным, автор считает нужным заметить, что сексуальные преступники в своей подавляющей массе являются не просто психопатами, но к тому же ярко выраженными нарциссами. Склонность к самолюбованию и завышенная самооценка превращает их в очень сложных клиентов и даже опытным адвокатам весьма непросто работать с публикой такого сорта. Практически все известные серийные преступники имели весьма сложные и прямо конфликтные отношения с собственными защитниками. Такие криминальные личности как Маджет (Холмс), Бонин, Тед Банди и многие другие имели богатую историю клиентских отношений с самыми опытными защитниками своего времени, которые, начинаясь в форме деловых и вполне корректных, с течением времени превращались в полные антагонизма и крайней непримиримости. Причина тому кроется именно в специфических особенностях личности этой категории преступников.

[его не следует путать с баптистским пастором – это однофамильцы!] и патрульный Сомпс (E. F. Soms) решили подняться на колокольню, дабы обследовать её. К своему немалому удивлению они обнаружили, что ручка на двери, ведущей на лестницу, сломана. В принципе, замок в двери можно было открыть и при отсутствии ручки, но быстро выяснилось, что сделать нельзя, поскольку замок неисправен. Всё это выглядело крайне подозрительно. Полицейские обратились за помощью к членам общины, которые вспомнили, что 2 апреля и замок, и дверная ручка были исправны. Более ничем прихожане помочь не смогли.

После небольшой проволоочки был найден плотницкий инструмент [коробка с ним стояла в кабинете пастора]. После того, как удалось открыть дверь, ведущую на лестницу, неисправный замок был извлечён и разобран. Выяснилось, что внутрь него помещены 2 довольно крупных кусочка металла, не позволявших ключу поворачиваться. После их удаления замок заработал надлежащим образом. Металлические фрагменты, найденные в замке, не могли попасть туда случайно, налицо был явный умысел...

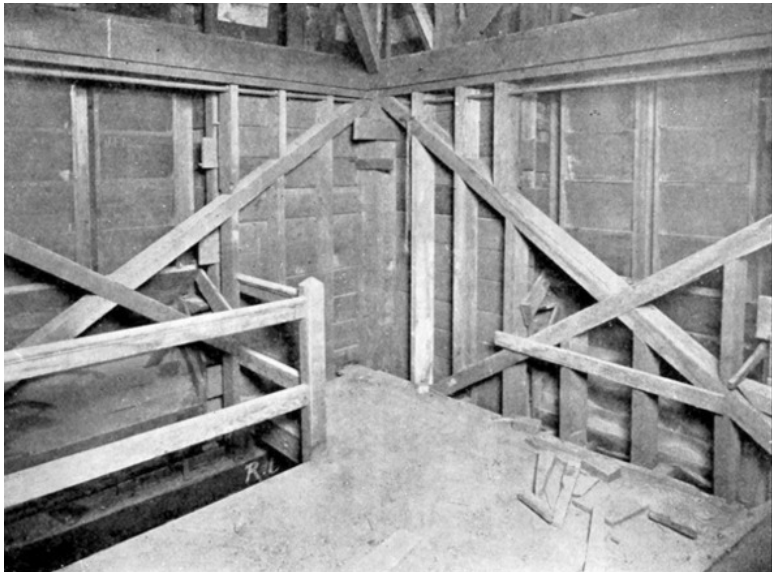
Осталось лишь выяснить кто и с какой целью пытался не допустить осмотра колокольни.

Лестница, ведущая наверх, состояла из 6 длинных пролётов по 16 ступеней каждый. Два нижних пролёта были довольно широки, на них могли свободно разминуться два человека, а четыре верхних оказались гораздо уже – там мож-

но было двигаться только по-одному. Несмотря на то, что осмотр проводился в дневное время при солнечной погоде, внутри колокольни было сумеречно. Хотя в стенах на разной высоте имелись большие окна, они давали слишком мало света ввиду того, что их закрывали ставни, выполненные в виде плотных деревянных жалюзи.

Полицейским пришлось зажечь керосиновые фонари и проводить осмотр, не выпуская их из рук.

На верхней площадке колокольни патрульный Сомпс обнаружил раздетое женское тело, частично спрятанное за «сшитыми» крест-накрест лагами-укосинами. Причастие «спрятанное» в данном случае не следует понимать буквально, тело не было спрятано в точном значении этого слова. В принципе, оно было без труда заметно всякому, кто поднялся бы на колокольню. Отсюда следовал первый принципиальный вопрос: почему тело было скрыто столь неудачно?

Площадка под крышей колокольни церкви Святого Эммуила, где 14 апреля 1895 г. было найдено тело Бланш Ламонт. Слева, за ограждение перил, лестница, ведущая вниз. Тело находилось за поперечными лагами-укосинами в правой части фотографии, легко можно понять, что оно практически не было спрятано. То, что тело заметил бы любой, поднявшийся на колокольню, наводило на ту мысль, что убийца не планировал долго хранить труп в этом месте.

Имелся и второй, связанный с позой тела. Труп лежал на спине, руки были скрещены на груди, а ноги – подняты

вверх и согнуты в коленях, они как бы придавливали руки. Но не это было самым странным. Под голову справа и слева оказались подложены бруски, призванные зафиксировать её в прямом положении [без наклона к плечу]. Подобное положение тела никак не могло получиться само собою, преступник явно уложил труп с неким умыслом. На эту деталь полицейские сразу же обратили внимание, но в то время никто из них не мог предложить какое-либо разумное объяснение увиденному.

Третий вопрос касался принадлежности трупа – была ли это Бланш Ламонт или Элла Форсайт? Ведь в первой декаде апреля пропали две молодых девушки схожей внешности. Довольно быстро удалось установить, что на колокольне найдено тело Ламонт. Отсутствовали платье, обувь, шляпка и учебники пропавшей девушки, её нагота ясно указывала на сексуальную причину посягательства. По крайней мере именно так расценили увиденное полицейские.

Впрочем, платье, в котором девушка уходила из дому, было найдено довольно скоро, буквально в течение четверти часа после обнаружения её тела. Платье оказалось небрежно скручено в рулон и спрятано за перекладинами прямо над трупом, чтобы его найти достаточно было поднять фонарь над головою.

То, где и как преступник спрятал платье, загадало сыщикам некоторую загадку. Небрежность его сокрытия наводила на мысль о раздевании не с целью реализации похотливых

намерений, а заставляло подозревать куда более прозаический мотив. Иными словами, преступник вовсе не намеревался прятать платье, ему надо было его просто снять. Чтобы внести ясность в этот вопрос и более к нему не возвращаться, уточним, что в конечном итоге следствие пришло к выводу, что раздевание преследовало не эротическую цель, а совсем другую – максимально ускорить процесс разложения плоти.

Итак, Бланш Ламонт, пропавшая без вести 3 апреля через 11 дней была обнаружена на колокольне церкви, прихожанкой которой являлась. Однако оставалась неясна судьба некоторых её личных вещей – обуви, шляпы с длинными страусовыми перьями, чулок, гетр, а также учебников и тетрадей, с которыми она отправилась в школу. Обыск здания был продолжен с удесятенной тщательностью и 15—16 апреля последовали новые находки.

Под настилом пола верхней площадки колокольни была найдена вывернутая наизнанку дамская перчатка с левой руки. В диаметрально противоположном углу, также под дощатым настилом, находилась женская заколка для волос. Туфельки удалось найти в весьма труднодоступном месте – в обширной полости между крышей церкви и подвесным потолком над залом общих собраний.

Кое-что из улик, обнаруженных в церкви Святого Эммуила 15—16 апреля 1895 г.: перетянутые ремнём учебники и тетради Бланш Ламонт и принадлежавшие убитой девушке туфли. Нетрудно заметить, что туфли, нарисованные художниками из разных газет, несколько отличаются друг от друга.

Место это было пыльным, грязным, туда было очень сложно проникнуть. Люди, в принципе, не должны были там ходить, т.к. их перемещения могли повредить потолок, находившийся у них под ногами.

Несколько в стороне от туфель помещалась дамская шляпа с полями и остатками страусовых перьев (изначально длинные перья красно-коричневого цвета оказались обломаны). Не менее изощренно были спрятаны учебники Бланш – убийца поместил их в пустое пространство между гипсовым украшением верхней части колонны и потолком в зале об-

щих собраний. Место было выбрано с толком – глядя снизу невозможно было догадаться, что за украшением что-то находится.

Гетры и чулки найти не удалось. В конце концов полиция пришла к выводу, что из храма их унесли. Забегая вперёд скажем, что судьбу этих предметов прояснить так и не удалось.

Находки, сделанные в церкви Святого Эммануила, загадали пару неожиданных головоломок, которые требовалось разгадать.

Вкратце их суть можно изложить следующим образом:

1) Мог ли Теодор Дюрант поднять на верхнюю площадку колокольни тело убитой им Бланш Ламонт? Дюрант был худощав и выглядел довольно щуплым, кроме того, он был заметно ниже Бланш. Причём проблема подъёма тела на верхнюю площадку усложнялась тем, что лестница сужалась. Нижние 2 пролёта можно было идти, держа бесчувственное (или мёртвое) тело на руках, а вот верхние 4 пролёта так преодолеть было невозможно. Полицейские рассматривали различные варианты подъёма, в т.ч. и волоком, но в конце концов сошлись на том, что бесчувственное тело можно было поднять только неся его на плече. Сразу скажем, что следствие допустило довольно нелепую ошибку, не взвесив тело Бланш Ламонт и не дав соответствующее поручения врачу коронерской службы. Судебный медик, проводивший вскрытие, сделать этого не догадался, что объясняется отсут-

ствием в те времена единых требований к порядку проведения судебно-медицинского исследования трупов и оформлению сопутствующей документации. Ввиду этого точный вес найденного тела остался в тот момент правоохранительным органам неизвестен, чем, как мы увидим вскоре, поспешила воспользоваться защита Дюранта.

2) Как мог Дюрант прятать вещи Бланш Ламонт в местах не только труднодоступных, но и весьма запыленных, не запачкав костюм? Проблема заключалась в том, что все дни с 3 по 12 апреля включительно, Теодор не уходил из церкви последним и никто не видел его в испачканной одежде. В день убийства Ламонт – 3 апреля – Дюрант покинул церковь в обществе доктора Кинга, органиста и дирижёра хора. Последний закрывал церковь своим ключом. Здравый смысл подсказывал, что заметать следы преступник должен был в день убийства, но именно тогда он ушёл довольно рано, приблизительно в 17:10—17:15. Так когда же он носился по церкви с трупом и вещами?!

Полиция попыталась найти найти непротиворечивые объяснения обнаруженным странностям.

Для того, чтобы решить первую проблему, по поручению лейтенанта Лиза был проведен следственный эксперимент, во время которого мужчина весом 81 кг., положив на плечо заведомо более лёгкого мужчину [если быть совсем точным, тот весил 63 кг.], поднялся на 16 ступеней (1 пролёт) без остановки. С мужчиной же весом 79 кг. на левом плече он

поднимался на 4 ступеньки, держась рукой за перила, после чего был вынужден останавливаться.

Практическую ценность данного эксперимента переоценивать не следует. Способность человека выполнять работу против силы тяжести [а подъём груза – это в чистом виде работа против силы тяжести] в значительной степени определяется собственным весом человека.

Так по мнению современника описываемых событий убийца поднимал бездыханное тело Бланш Ламонт на церковную колокольню. Художник явно не знал того, что правоохранительные органы после проведения следственного эксперимента исключили из числа возможных подобный ва-

риант переноски. Единственный способ, который допускал подъём тела на колокольню в одиночку – это перенос его на плече.

Проще говоря, чем больше весит человек, тем больше он тратит энергии на перемещение самого себя. Это легко понять, если провести мысленный эксперимент по количеству подтягиваний на перекладине мужчин, масса тела которых сильно различается. Понятно, что мужчине весом 70 кг. подтягиваться намного проще, чем мужчине весом, скажем, 120 кг. или 130 кг., и более лёгкий подтянется намного больше. При этом абсолютная сила бицепсов и трицепсов более тяжелого может значительно превышать аналогичные показатели более лёгкого.

Поэтому следственный эксперимент в том виде, как его провёл лейтенант Лиз, мало что доказывал. Для того, чтобы его результат был релевантен случаю Дюранта, следовало подобрать человека близкой массы тела [т.е. весом 63—64 кг.] и дать ему для переноски груз близкий весу тела Бланш Ламонт. Но последний, как было сказано, в апреле остался полиции неизвестен и никому не пришло в голову озаботиться его выяснением.

Правда, проведенный эксперимент дал всё же полезный результат, хотя и довольно неожиданный. Дело заключалось в том, что ещё во время поисков Бланш Ламонт полиция наткнулась на свидетеля, некоего Чарльза Хидемар-

ка (Charles L. Hedemark), сделавшего довольно странное на первый взгляд заявление. Хидемарк проживал на верхнем этаже дома №11293 по Валенсия стрит (Valencia street) и из окна его комнаты была хорошо видна колокольня церкви Святого Эммануила. Поздним вечером 3 апреля свидетель наблюдал за деревянными жалюзи на окнах дрожащий свет, перемещавшийся внутри колокольни снизу вверх. При этом в самой церкви огня не было, она в это время явно оставалась закрыта. Судя по отблеску в окнах, источник света двигался медленно, застыл на несколько минут, а потом перемещался к следующему окну. Перемещение света выглядело крайне неестественно, люди не ходят так по лестницам, поэтому свидетель сам не понял, что же именно он увидел, но добросовестно рассказал обо всём полиции.

Чарльза Хидемарка опросили в первой декаде апреля, ещё до того, как были найдены тела Минни Уилльямс и Бланш Ламонт, и поначалу его странный рассказ интереса не вызвал.

Точнее говоря, тогда никто не понял важности сделанного свидетелем заявления. Но после проведения следственного эксперимента в конце апреля, сразу стало ясно, о чём говорил Хидемарк. Преступник, поднимавший труп Бланш Ламонт на колокольню, столкнулся с необходимостью освещать себе дорогу, ибо внутри постройки было темно, а имевшиеся окна давали слишком мало света. Убийца был вынужден ставить источник света – свечу или керосиновую лампу –

на верхней площадке пролёта, по которому ему предстояло подняться, после чего заносил труп наверх. Далее он оставлял тело на площадке и переносил источник света на один пролёт выше, после чего поднимал на один пролёт труп. Далее эта последовательность действий повторялась опять. Преступник не мог затащить тело на самый верх за одну попытку, он был вынужден останавливаться и переводить дыхание, в силу чего его движение по лестнице потребовало некоторого времени – 5-6-7 минут, возможно, даже более.

Именно это Хидемарк и увидел из окна своего дома – медленное движение источника света вверх по лестнице внутри колокольни.

Свидетельство Хидемарка следовало признать важным – оно чётко привязывало время подъёма тела Бланш Ламонт на колокольню к позднему вечеру 3 апреля [если точнее, свидетель говорил об интервале 23—24 часа]. В конце концов следствие склонилось к тому, что Теодор Дюрант, имевший собственный ключ от церкви, поздним вечером 3 апреля возвратился на место убийства с целью сокрытия следов. Он перенёс тело на колокольню и спрятал внутри здания вещи, принадлежавшие жертве. По мнению полицейских, все эти действия осуществлялись в интервале от 22 до 24 часов 3 апреля, возможно, некоторое время после полуночи. Дюрант, разумеется, запачкал костюм во время перемещений по труднодоступным местам здания, но никто из знакомых его не видел вплоть до утра 4 апреля, поэтому и грязной

одежды тоже никто не мог заметить!

Это предположение хорошо всё объясняло. Проблем с проникновением в здание у Дюрранта не существовало – тот располагал собственным ключом. Вообще же, ключи от дверей в церковь Святого Эммануила имели 4 человека – пастор Гибсон, садовник Сейдеман, библиотекарь Дюрант и органист [по совместительству руководитель хора] Кинг.

Судебно-медицинское вскрытие тела Бланш Ламонт проводил тот же самый доктор Барретт, что работал с телом Минни Уильямс. Судмедэксперт описал клиническую картину смерти от удушья и в качестве причины смерти назвал таковую. Удушение осуществлялось руками, на шее убитой девушки слева остались 7 следов ногтей, а справа – 5. Потерпевшая не была изнасилована, не была беременна и не жила половой жизнью. Давность наступления смерти судмедэксперт определил весьма общо – более 10 суток – что хорошо объяснимо далеко зашедшим процессом разложения и сложностью учёта перепадов температуры в замкнутом помещении под крышей.

Что же происходило в это время с задержанным?

Ночь с 14 на 15 апреля Дюрант практически не спал. По видимому, он засыпал на считанные минуты, но быстро просыпался с криком и то ли падал с кровати, то ли вскакивал на ноги. Во всяком случае его соседи по тюремному корпусу неоднократно слышали какие-то необычные звуки, которые сменялись тишиной, после чего вновь раздавались

вопли. Поутру заключенные пребывали в уверенности, что новичок, доставленный в тюрьму накануне, покончил с собою. Но Дюрант оказался жив, здоров и выглядел совершенно невозмутимым.

Последующие ночи – с 15 на 16 апреля и с 16 на 17 – история в точности повторялась. В конце концов с Дюрантом был вынужден встретиться тюремный врач, который попытался разобраться в том, что же такое с ним происходит? Теодор признался, что практически не может спать из-за преследующих его кошмаров. Нервная система Дюранта явно пошла вразнос и не справлялась с обрушившимся на него стрессом, но внешне он по-прежнему демонстрировал полное самообладание и невозмутимость.

Что и говорить – крайне необычная черта, которой могут похвастаться немногие люди!

В понедельник 15 апреля состоялось первое заседание коронерского жюри по факту смерти Минни Уилльямс. Заседание призвано было решить, следует ли признавать случившееся убийством, надлежит ли возбуждать уголовное расследование по факту смерти и могут ли быть выдвинуты обвинения против Дюранта. Понятно, что заседание это носило во многом формальный характер и его проведение диктовалось необходимостью соблюдения процедуры.

Жюри заседало в морге, буквально у гроба с телом убитой девушки. Первоначально предполагалось, что Дюрант не примет участия в заседании, но в последний момент

всё переменилось и адвокат рекомендовал подозреваемому на заседание явиться.

У здания похоронной компании карету с задержанным и полицейским конвоем встретила толпа зевак и газетных репортёров. Теодор вышел из кареты с книгой по уголовному праву – юридическую литературу, как, впрочем, и религиозную, читать в тюрьме дозволялось. Дорогу ему заступил отец, потребовавший, чтобы Теодор показал ему руки. Дюрант молча повиновался и вытянул перед собой обе руки и покрутил ими в воздухе, демонстрируя отцу, после чего молча прошёл внутрь погребальной конторы.

Честно говоря, смысл этой сцены не совсем ясен, поскольку ни отец, ни сын не обменялись ни единым словом. Непонятно, что именно хотел увидеть отец на руках Теодора и хотел ли это увидеть буквально. То ли отец подозревал, что сына пытали и на руках должны присутствовать следы пытки, то ли он поверил в попытку самоубийства Теодора и рассчитывал обнаружить следы оной... то ли подтекст был сугубо метафорический и отец имел в виду кровь, которая должна была быть на руках сына – непонятно.

Журналисты, описавшие эту сцену, никаких комментариев не дали, судя по всему, для них она тоже осталась не до конца понятной. Добавим, что отношения отца и сына Дюрант ничуть не пострадали от выдвижения обвинений в адрес Теодора и на протяжении последующих месяцев близкие родственники арестанта демонстрировали тро-

гательное единодушие в защите его чести и достоинства, незаслуженно опороченных по их мнению бестолковыми «законниками».

Коронерское жюри заседало несколько дней, вплоть до 20 апреля. Если первоначально жюри собиралось для рассмотрения обстоятельств убийства Минни Уилльямс, то в дальнейшем оно приняло в работу и материалы предварительного полицейского расследования по факту обнаружения трупа Бланш Ламонт. Хотя упомянутые эпизоды разделял довольно большой интервал времени, они считались связанными между собой как местом совершения, так и, возможно, лицом, виновным в этих деяниях.

Всю первую половину заседания коронерского жюри 15 апреля Теодор Дюрант демонстративно читал привезенную с собой книгу. Причём, читал её очень медленно, листая страницы с заметной задержкой, и со стороны было хорошо заметно, как он прислушивается к происходившему вокруг. Поведение Теодора, скажем прямо, выглядело крайне инфантильно, он делал вид, будто заседание жюри не имеет к нему ни малейшего отношения, дескать, всё это сплошная ошибка и он вынужден здесь находиться лишь из-за полицейского принуждения, однако в конечном итоге Дюрант затеянной им самим игры не выдержал. Он отложил книгу и с неподдельным интересом стал следить за ходом заседания.

Первые сообщения свидетелей носили технический ха-

раक्टर и касались места, времени и обстоятельств обнаружения трупа Минни Уилльямс.

Далее помощник прокурора вызвал для дачи свидетельских показаний пастора Джорджа Гибсона [его не следует путать с детективом Гибсоном – это разные люди!], служившего в церкви Святого Эммануила. Священник рассказал, что на 21 час 12 апреля в доме общинного старосты Фогеля была назначена встреча прихожан. Теодор Дюрант на неё опоздал, что было крайне нехарактерно для всегда пунктуального библиотекаря. Он выглядел необычно, лицо его казалось налитым кровью. На слова пастора об опоздании, Дюрант извинился и невнятно объяснил задержку тем, что был занят поиском формы для предстоящих на следующий день сборов Сигнального Корпуса, в которых ему предстояло принять участие.

Следующим свидетелем стал Фрэнк Сейдеман (Frank A. Sademan), садовник при церкви Святого Эммануила. Насколько можно судить по документам заседания, Фрэнк оказался чрезвычайно словоохотлив. Мужчина рассказал о том, как однажды поинтересовался у Дюранта ходом розысков Бланш Ламонт, ведь тот обещал заняться поиском девушки! По словам садовника, Теодор отмахнулся от него, как от назойливой мухи и высказался приблизительно следующим образом: я могу, конечно, заняться этим делом, но я не стану тратить своё время бесплатно, пусть мне заплатят хотя бы 50 долларов, а там посмотрим. В своём месте мы

упоминали о том, как Дюрант вечером 5 апреля явился в дом Ноблов и пафосно пообещал помощь... Теперь же выяснилось, что на самом деле он и не думал обременять себя подобной чепухой. Цинично, конечно же, но ненаказуемо!

Несколько зарисовок, сделанных газетными художниками во время заседания коронерского жюри 15 апреля 1895 г. Слева направо: Теодор Дюрант, офицер полиции Риль, садовник Сейдеман, баптистский пастор Гибсон.

Далее садовник рассказал о ремонте газового светильника, который затеял или якобы затеял Дюрант в день исчезновения Бланш Ламонт. Что именно и для чего ремонтировал библиотекарь, осталось невыясненным, поскольку по утверждению Сейдемана приход оплачивал услуги слесаря газовой компании, занимавшегося профилактикой и ремонтом внутренних газовых сетей.

Весьма информативным оказались свидетельские показания Джорджа Кинга, церковного органиста. Это был 19-летний юноша, работавший в течение дня электриком в теле-

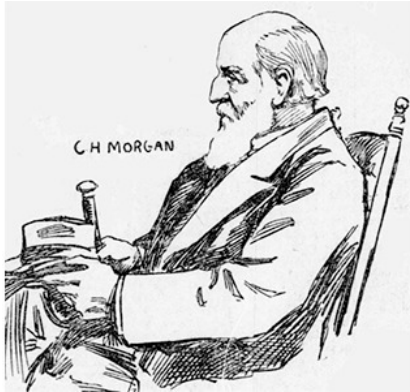
фонной компании, а в вечернее время игравший для души на различных музыкальных инструментах. Джордж являлся юношей малообразованным и простодушным, а потому неудивительно, что на Теодора Дюранта – без пяти минут дипломированного врача! – он смотрел с почтением и уважением. Тем интереснее оказались показания этого свидетеля весьма разоблачительного свойства.

3 апреля Кинг появился в церкви около 17 часов и поначалу он думал, что находится в здании один. На эту мысль его навела запертая входная дверь, которую ему пришлось открыть своим ключом. На этой детали допрашивавший молодого человека коронер сделал особый акцент. Кинг сел играть на фортепиано и не успел доиграть даже первую пьесу, как на пороге комнаты появился Дюрант. Тот выглядел странно всклокоченным, налитые кровью глаза слезились, лицо было красным от прилившей крови, волосы – растрёпаны. Он был без пиджака. Теодор сказал удивленному Джорджу, что занимался ремонтом газового светильника и надышался газом. Он попросил друга сбегать в аптеку и купить для него сельтерской воды и пакетик брома, что Кинг с готовностью и сделал. Поход в аптеку много времени не занял – минут 5—7, вряд ли больше. Возвратившись в церковь из аптеки, органист неожиданно для себя столкнулся с Дюрантом в холле. Тот оказался полностью одет, т.е. он успел облачиться не только в пиджак, но и в демисезонное кашемировое пальто. Теодор бросил в бутылочку сельтерской бром, выпил

раствор и, взяв Джорджа под руку, вывел его из церкви, сказав, что может проводить его домой. Они действительно пошли в сторону дома Кинга, но пройдя буквально пару кварталов, Теодор попрощался с товарищем и пошёл в обратную сторону.

Согласитесь, поведение Дюранта выглядело странным! Он не дал Кингу заниматься разучиванием пьесы и фактически увёл его из церкви. Отравление газом моментально излечилось и ничуть не помешало Дюранту прогуливаться по улицам. Также странным выглядело то, что Теодор, очевидно явившийся в храм раньше органиста, почему-то запер за собой входную дверь, так что Кинг даже не понял, что находится в здании не один.

Следующим свидетелем, вызванный полицией для дачи показаний, стал Чарльз Морган (Charles H. Morgan), сосед Минни Уилльямс. Морган и Уилльямс арендовали соседние комнаты в доме №1707 по Говард стрит (Howard street).

Чарльз Морган был почтенным джентльменом, с которым его соседка Минни Уилльямс общалась очень доверительно, точно с отцом. За несколько часов до убийства она рассказала ему о nepозволительных приставапиях Теодора Дюранта. Свидетельство Моргана выглядело очень весомо, поскольку он не знал Дюранта лично и не имел мотива его оговаривать.

Именно во время ответов Моргана на вопросы коронера Дюрант отложил в сторону свою книгу и более к чтению не возвращался.

По словам свидетеля днём 12 апреля, в Страстную пятницу, за несколько часов до убийства девушки, Теодор Дюрант явился к Минни и имел с нею долгую беседу. О содержании этого разговора свидетель узнал после ухода Дюранта от самой же Минни.

Согласно утверждению свидетеля, Дюрант сначала при-

гласил девушку покататься с ним по городу в его коляске с целью покупки всего необходимого для украшения церкви к празднику Пасхи [напомним, события происходили в Страстную пятницу]. Минни не хотела общаться с Теодором, но и грубо отшивать его тоже не считала возможным, поэтому она уклончиво ответила, что считает подобную поездку излишней, ведь они увидятся через несколько часов на вечернем собрании.

Услышанный ответ собеседнику явно не понравился. Теодор упрекнул Минни в том, что она завлекает его и вводит в заблуждение, а ему нужна ясность. У него назначена встреча с Минни Самнер (Minni Sumner), но если Уильямс согласится встречаться в нем, то он отношения с Самнер прервёт. Не довольствуясь сказанным, Дюрант добавил, что он скоро станет дипломированным врачом и имеет достаточно специальных медицинских познаний для того, чтобы избавить женщину от любых неприятностей, связанных с интимными встречами с любимыми мужчинами. Намёк на возможный аборт шокировал Минни Уильямс, она возмутилась высказанной вслух пошлостью и в гневе оттолкнула Дюранта, велев убраться прочь. Разговор, как по всему видно, получился очень некрасивый!

Вернувшись в дом девушка пребывала вне себя от гнева. По-видимому, она испытывала потребность с кем-то поделиться опытом неприятного общения и рассказала о беседе Моргану.

Показания этого свидетеля были, конечно же, исключительно интересны, поскольку проливали свет на события последних часов жизни убитой девушки, однако на этом открытии того дня не закончились.

Этот рисунок из газеты изображает момент полемики между лейтенантом Лизом, начальником дивизиона детективов Департамента полиции Сан-Франциско, и окружным коронером Бакком во время заседания коронерского жюри. Лейтенант нарисован сидящим за столом (крайний слева), а коронер Бак расположился к нему лицом (крайняя справа)

фигура).

Для дачи показаний коронерскому жюри был вызван детектив Абрахам Энтони, тот самый «Охотник за женщинами», что заключал Дюранта брал под стражу. Об этом полицейском в своём месте было сказано несколько слов. В ту минуту, должно быть, Теодор и большинство присутствовавших подумали, что речь пойдёт о деталях задержания в Уолнат Крик, но – нет! – всё оказалось намного интереснее. Энтони был очень спокойным полицейским и по его речи не всегда можно было понять насколько важно то, о чём он говорит. Заняв место перед жюри, он сообщил достопочтенным господам, что 18-ю месяцами ранее Теодор Дюрант совершил преступление в отношении молодой девушки, которой пообещал жениться и уговорил сбежать с ним из дома. Соблазнив легковерную девочку, Дюрант вывез её в город Сан-Хосе, расположенный в 60 км. юго-восточнее Сан-Франциско, где продал в публичный дом. Детектив Энтони по заявлению родителей девушки занимался её розыском и в конечном итоге возвратил беглянку домой.

По словам детектива, личность соблазнителя девушки, всё это время оставалась неизвестна. При задержании Дюранта 13 апреля он обратил внимание на то, что тот отлично соответствует словесному портрету непойманного негодяя. Сегодня утром детектив отправился в дом беглянки и предъявил ей фотокарточку Теодора. Потерпевшая без колебаний

его опознала!

Согласитесь, поворот сюжета оказался в высшей степени необычным. Студент-медик, без пяти минут врач и в минуты досуга церковный библиотекарь вёл себя как гадкий мошенник и растлитель, предававший тех, кому клялся в любви. Такое поведение за гранью мужской этики, таким людям руки не подают!

Ближе к концу первого заседания жюри лейтенант Лиз, представлявший правоохранительные органы, заявил, что по его мнению Дюрант умышленно не предпринял мер по сокрытию трупа убитой им Минни Уилльямс, поскольку намеревался в ближайшие дни сжечь деревянную церковь. Это предположение представляется очень разумным и хорошо объясняющим самые разные детали этого дела. На месте преступника действительно имело бы смысл устроить пожар, дабы разом избавиться как тел обеих жертв, так и всевозможных сопутствующих улик.

Затем судебно-медицинский врач Джеймс Барретт (J. S. Barrett) рассказал о результатах вскрытия тела, заявив, что смерть потерпевшей имела комбинированную природу и последовала в результате механической асфиксии, вызванной удушением руками и острой кровопотери из-за причинения ранений холодным оружием, которые были нанесены в условиях резко сниженной активности сердечной деятельности [то есть тогда, когда девушка находилась в состоянии комы или была близка к агонии].

Доктор Барретт, судмедэксперт службы коронера, производил вскрытие тела Минни Уилльямс и 19 апреля 1895 г. выступил перед членами жюри с сообщением о результатах своей работы .

По мнению судебного медика 2 глубоких раны в середине груди, одна из которых достигла сердца, были нанесены по-смертно. При этом раны в верхней части груди и в основание шеи наносились прижизненно.

Причина смерти в заключении Барретта была сформулирована так: «смерть её последовала от кровотечения из рваных ран и удушения от сдавления горла» (дословно на языке оригинала: «came to her death from hemorrhage due to lacerated wounds and asphyxia due to strangulation»). Время наступления смерти эксперт отнёс к вечеру 12 апреля, при-

близительно за 12 часов до момента обнаружения тела. Посягательство имело сексуальную природу, на что указывало состояние одежды и нижнего белья убитой девушки, но половой акт с жертвой нападавший не осуществил.

Вердикт коронерского жюри оказался вполне предсказуем – смерть Минни Уилльямс квалифицировалась как умышленное убийство и накопленная полицией доказательная база признавалась достаточной для формального обвинения в совершении этого преступления Теодора Дюранта. И хотя последний сообщил жюри о своей непричастности к убийству и наличию *alibi*, сие заявление не избавило его от официального статуса «обвиняемый в убийстве». После этого жюри приступило к анализу материалов, связанных с обнаружением в церкви трупа Бланш Ламонт, и на протяжении последующих заседаний рассматривало этот эпизод. В результате этой работы Дюрант также был признан обвиняемым и окружному прокурору было предложено решить, по какому из двух обвинений должен состояться первый суд.

Правда, говоря о вердикте жюри мы немного забежали вперёд, поскольку вынесено оно было лишь 19 апреля, т.е. на пятый день работы. Чтобы не разрывать повествование на фрагменты, постараемся придерживаться хронологической последовательности событий.

16 апреля журналист агентства «Ассошиэйтед пресс» получил возможность встретиться с Дюрантом в тюрьме⁵. Что

---

⁵ Точное место содержания Дюранта после его ареста не совсем ясно. Дело

и говорить, подобное разрешение следует признать совершенно необычным, за этим явно стоял некий расчёт. Но автор должен честно признаться, что расчёт этот постичь не в силах. Невозможно представить, чтобы нарцисс, подобный Дюранту, сознался в отвратительном убийстве журналисту и заявил о раскаянии, зная, что его слова будут растиражировано на всю страну! Напротив, можно было не сомневаться в том, что самовлюбленный и трусливый садист не скажет ни слова правды, но получит от подобной встречи огромное удовольствие. Спрашивается, ради чего ему это удовольствие доставлять?

В общем, перед нами некий чисто американский феномен, связанный с почтительным отношением к журналистам и, скажем честно, совершенно нелепым почитанием прессы.

Журналист в своей статье рассказал о бессонных ночах заключенного и его криках в редкие минуты сна. К этим крикам соседи арестанта уже привыкли. Журналист особо отметил вежливость Дюранта и его улыбочность во время прогулок в тюремном дворе. Эдакий милый, сердечный человек, попавший в тюремную клоаку по причине ужасной полицейской ошибки!

Теодор встретил журналиста безукоризненно одетым, во-

в том, что в конце XIX столетия служба шерифа округа Сан-Франциско пользовалась 4 различными тюрьмами, расположенными в разных частях города. Из газетных публикаций можно заключить, что Дюрант до суда содержался в разных местах – так ли это было на самом деле или мы имеем дело с весьма распространёнными в то время газетными ошибками, непонятно.

общее же, он тщательно следил за собой в заключении, оплачивал стирку рубашек, чистку костюма и услуги парикмахера. Выглядел арестант очень спокойным, собранным и совершенно неопасным.

Говоря о его внешности, следует упомянуть, что практически все журналисты описывали Теодора как молодого человека невысокого, щуплого и совершенно безобидного. Например, 5 сентября 1895 г. в заметке газеты «The San Francisco call» автор так охарактеризовал облик Теодора: «Дюрант – маленький, кроткий, похожий на мальчика человек» (дословно: «Durrant, the little, mild-faced, boyish-looking individual»). Подобные описания встречаются неоднократно, по-видимому, обвиняемый и впрямь мало соответствовал тогдашним представлениям об убийце.

Теодор Дюрант в свою бытность арестантом окружной тюрьмы

Своё общение с журналистом Дюрант начал с того, что сообщил явившемуся о запрете на контакты подобного рода, полученном от адвоката. Многословно порассуждав на эту и дав понять, что разговаривать с журналистом он не станет, Дюрант неожиданно брякнул – другого слова не подобрать! – что видит перед собой воспитанного человека [т.е. журналиста!] и с его стороны будет невежливо отправить его обратно, не поговорив.

Можно не сомневаться, Теодор Дюрант упивался собою в ту минуту. Буквально наслаждался звуками собственного

голоса и вниманием к собственной персоне! Подобное самолюбование мы можем видеть у многих завсегдатаев телевизионных ток-шоу разного калибра – люди несут чепуху, явно лицемерят, откровенно лгут, но остановиться не могут, в такие минуты их просто несёт...

Вся содержательная часть весьма продолжительного, но демагогического по своей сути монолога Дюранта свелась всего к одной фразе: «Я никогда не видел ни одну из этих девушек и не помню ни одной из тех встреч с Бланш Ламонт, что они описывают» (дословно: «I never saw any of these girls and have no recollection of any such meeting with Blanche Lamont as they describe.»).

Помимо газетчика, арестованного посетил и начальник Департамента полиции Сан-Франциско Патрик Кроули (Patrick Crowley). Визит этот следует признать довольно необычным, впрочем, необычным человеком являлся и сам шеф полиции. Он заслуживает того, чтобы сказать о нём несколько слов.

Кроули родился в марте 1831 г. и на момент описываемых событий ему уже исполнилось 64 года. Молодость его прошла на востоке страны, в Нью-Йорке он работал в типографии и ничто, казалось бы, не предвещало его судьбе крутых поворотов. Но – опять это судьбоносное «но!» – в Калифорнии началась «золотая лихорадка» и в 1850 г. молодой человек подался на Западное побережье. Так Кроули открыл в себе дар предпринимателя – купив лодчонку, а по-

том и шаланду поболее, он стал заниматься тем, что мы теперь называем «услугами по транзиту». В общем, он перевозил прибывающую в район Сан-Франциско публику через залив или куда его просили. Надо сказать, что добывать золото приезжали люди очень разные, было немало таких, кому зарезать человека было не сложнее, чем два пальца об забор вытереть, так что насмотрелся Кроули в те годы немало. Но с людьми Патрик работать умел, довольно быстро он получил известность и уже в 1854 г. от партии демократов избрался в офис городского констебля. В те годы полицейские должности в Сан-Франциско являлись выборными. Хотя работу в полиции Патрик совмещал с бизнесом, никаких коррупционных делишек за ним не водилось и он заслужил репутацию кристально честного человека, которой чрезвычайно дорожил.

В 1866 г. Кроули был впервые избран на должность шефа Департамента полиции Сан-Франциско и на протяжении 30 лет бессменно её занимал. Причём часть этого времени должность была выборной, а начиная с 1878 г. занималась по назначению. Со временем лодочный бизнес Кроули весьма развился и стал приносить ему неплохой доход, но ему пришлось от него избавиться после введения запрета на совмещение госслужбы с коммерческой деятельностью.

За время своей работы в должности начальника полиции Патрик Кроули избирался на неё или назначался в общей сложности 28 раз! Он выдерживал все конкурсы и побеждал

на всех выборах, на которые выдвигался.

Подобные успехи объяснялись, разумеется, не только мощной партийной поддержкой, но и незаурядными личными качествами этого человека, его репутацией неподкупного и справедливого руководителя, защитника Закона и Порядка.

То, что Кроули решил лично встретиться с Теодором Дюрантом, свидетельствует о стремлении шефа полиции лично разобраться в ситуации, сложившейся вокруг расследования убийств Бланш Ламонт и Минни Уильямс.

Патрик Кроули.

С одной стороны, подчиненные Кроули должностные ли-

да докладывали ему о результатах следствия и доклады эти вызывали доверие. Но с другой, категорическое непризнание арестантом вины рождало обоснованные сомнения в честности полиции. А вдруг имеет место какая-то грязная игра? Вдруг детективы пошли по пути наименьшего сопротивления и свалили вину на бедного студента, не желая разбираться в деле по существу? Вдруг полиция упускает нечто важное и не желает признавать собственные заблуждения из ложно понимаемого чувства чистоты мундира?

Кроули хотел составить личное мнение об обвиняемом и можно не сомневаться, что если бы начальник полиции поверил в невиновность Дюранта, то данной ему властью он бы сумел повернуть ход расследования на новые рельсы. Но куда не случилось и после приватного разговора с арестантом, Патрик Кроули не без некоторого удивления признался журналистам, что не встречал ещё человека до такой степени хладнокровного и способного управлять своими эмоциями. Причём начальник полиции не преминул напомнить о своём немалом стаже работы в правоохранительных органах – более 40 лет, если считать с 1854 года! – и том, что повидал немало находчивых и хитроумных преступников.

Но никого, похожего на Дюранта, он прежде не встречал. 17 апреля сержант полиции Уитмен (Whitman) на ступенях перед входом в здание Департамента полиции обнаружил небольшую картонную коробку. Открыв ней, полицейский нашёл испачканную штукатуркой женскую перчатку с

запиской внутри и небольшой бумажный свёрток. В свёртке находилась прядь каштановых волос.

Записка, помещенная в перчатку, была написана красными чернилами и гласила: «Вы ошиблись. Подстрелили не ту птицу. Моя работа. Найди меня, если сможешь. Гарри-хакер» (дословно на языке оригинала: «You are on the wrong trail. Go the wrong bird. My handiwork. Find mo if you can. Harry the Hacker.»)

В полиции посчитали, что коробка с запиской – это грубая мистификация, не имеющая ни малейшего отношения к убийствам Ламонт и Уилльямс. Цвет пряди волос, помещенной в коробку, не соответствовал цвету волос убитых девушек. Тот, кто мастерил эту поделку, не имел ни малейшего понятия о настоящем цвете волос Бланш и Минни.

После многочисленных публикаций в апреле 1895 г. в дальнейшем наступил некоторый спад интереса общественности к расследованию. До начала судебного процесса, которое пришлось на последнюю декаду июля того года, количество публикаций о Дюранте и инкриминируемых ему преступлениях упало до минимума, буквально до 1—2 в месяц. Но неправильно было бы думать, что время с апреля по конец июля прошло в полном бездействии прокуратуры и защиты. Нет, обе стороны деятельно готовились к предстоящему суду.

Имеет смысл сказать несколько слов на эту тему. О защитнике обвиняемого Джоне Дикинсоне (Dickinson) было уже

упомянуто, в скором времени к нему присоединились два других адвоката – Юджин Дюпри (Eugene Deuprey) и Томпсон (A. W. Thompson). Оперативное сопровождение работы этой энергичной компании обеспечивал частный детектив Морс, везде успевавший и добывавший массу полезной для адвокатов информации. Все эти люди весьма деятельно взялись за организацию защиты Дюранта. И надо сказать, подошли они к делу с душой и выдумкой, каждый из их понимал, что сенсационный процесс гарантирует защите прекрасную рекламу, притом такую, за которую не надо будет платить. Надо только хорошо отработать свою программу!

Стратегия, выбранная адвокатами, строилась на следующих краеугольных посылах:

– Теодор Дюрант не имел следов крови на одежде, причём, как на той, в которой его видели 12 апреля, так и на любой другой, хранившейся в его доме. Это стало известно по результатам тщательного обыска по месту проживания арестованного. Минни Уилльямс была убита с использованием ножа в период с 20 часов до 21:30 12 апреля и **тот, кто лишил девушку жизни, должен был обязательно запачкаться кровью**. Однако после 21:30 Дюранта видели многие прихожане и никто из них не заметил следов крови на его одежде или открытых частях тела. Не оказалось крови и на одежде, находившейся в доме обвиняемого. Отсюда рождался очень неудобный для обвинения вопрос: если действительно Дюрант убивал девушку, то где же кровь?

– Помимо отсутствия следов крови, обвинение демонстрировало и другую нестыковку – на теле Дюранта отсутствовали следы борьбы. В ночь на 18 апреля арестованный подвергся дотошному осмотру полицейскими врачами и группой детективов. Ничего, что можно было бы связать с борьбой, найти не удалось – ни царапин, ни кровоподтёков, ни порезов. Правда, нельзя не отметить явную запоздалость такого осмотра, его надлежало провести сразу по водворении арестанта в тюрьму, а не спустя более 3-х суток! Но кто же виноват в том, что следствие нерасторопно, кроме самого следствия? Отсутствие следов борьбы на теле Дюранта являлось отличным доводом в пользу его невиновности и защита, разумеется, этот довод всячески педалировала.

– Гипотетически Дюрант мог проникнуть в церковь Святого Эммануила поздним вечером 3 апреля, когда была убита Бланш Ламонт, поскольку имел ключ от входных дверей [как и 3 других человека – садовник Сейдеман, пастор Гибсон и органист Кинг]. Однако он не имел доступа в кабинет пастора Гибсона, где хранилась коробка со слесарным и столярным инструментом. Напомним, что замок на двери в колокольню был умышленно выведен из строя [заклинен обрезками металла], а дверная ручка обломана. Кроме того, на дверной коробке имелись свежие следы ударов стамеской, хотя неясно было кто, для чего и когда эти удары нанёс. Как Дюрант, не имея инструмента, мог повредить дверной замок и сломать его ручку? Убийца должен был проникнуть в цер-

ковь тогда, когда она была совершенно пуста, и иметь доступ в кабинет пастора. Другими словами, настоящий убийца располагал не только ключом от входной двери, но и от кабинета пастора. По логике адвокатов преступником являлся пастор Гибсон, хотя прямо его фамилия летом 1895 г. не упоминалась в силу понятных причин.

Преподобный Джордж Гибсон, пастор баптистской церкви Святого Эммануила. Это был крепкий импозантный мужчина, из категории таких, о которых в России тех лет говорили «в усах и почти гусар». Гибсон был очень популярен у женской части приходской общины, причём в равной степени как у дам бальзаковского возраста, так и у экзальтированных нимфеток. Преподобный отлично подходил на роль

сексуального пирата, он вполне мог затащить на колокольню труп, да и ключ от церкви у него всегда был при себе. То, что Гибсон имел alibi, защиту Дюранта ничуть не волновало, ведь адвокатам не нужно было доказывать его вину, им требовалось посеять «разумные сомнения» в головах присяжных. Всего лишь!

– Дюрант не мог поднять на верхнюю площадку колокольни тело Бланш Ламонт ввиду недостаточных физических кондиций. Защита исходила из того, что Дюрант в момент ареста весил 145 фунтов (~65,7 кг.), а убитая девушка в момент смерти имела вес 140 фунтов (~63,5 кг.). Вес Ламонт защитнику узнали у владельца магазина, к которому Бланш приходила специально для взвешивания. Она следила за своим весом, считала себя слишком худой и хотела его увеличить и с этой целью примерно раз в неделю взвешивалась на больших магазинных весах. Адвокаты намеревались доказать в суде, что худосочный студент-медик не мог преодолеть около 15 метров по коридору второго этажа и подняться на 84 крутых ступени [это высота более 20 м.!), имея на плече труп весом практически равным его собственному. Если быть совсем точным, то Бланш по мнению адвокатов была всего лишь на 2 кг. легче Теодора, но это уточнение не отменяло справедливости изложенных выше рассуждений.

– Адвокаты смогли выяснить, что рассказы об отсутствии у Бланш Ламонт интереса к разного рода веселью и удоволь-

ствиям не вполне соответствуют истине. Им стало известно, что с начала 1895 г. девушка не реже раза в неделю посещала танцевальные вечера, где общалась с широким кругом молодых людей. Причём старшая сестра не всегда сопровождала Бланш, из чего адвокаты делали далеко идущий вывод о бесконтрольности встреч с молодым мужчиной или мужчинами. Для подобных встреч занятия танцами являлись лишь маскировкой, благовидным предлогом.

– Защитники Дюранта установили, что переписка Бланш Ламонт была выслана матери девушки, которая её сожгла. Адвокаты считали, что подобное уничтожение улики играет на руку их подзащитному. Бланш могла иметь интимные отношения с неким лицом, отыскать которого полиция не смогла, либо не захотела. По прошествии некоторого времени адвокаты установили, что пастор Джордж Гибсон неоднократно посылал Бланш Ламонт письма, о содержании которых не знал никто, кроме сестры и матери убитой девушки, а также самого пастора. Письма эти были уничтожены, что открывало широкий простор для фантазий. А вот Теодор Дюрант за Бланш Ламонт не ухаживал, письма ей не посылал и вообще не выказывал особого интереса к ней, а стало быть, и мотива для её убийства он не имел! Но такой мотив мог иметь пастор Гибсон, либо некий неустановленный следствием воздыхатель убитой, фамилия которого присутствовала в переписке Бланш с матерью.

Адвокаты Дюранта прекрасно понимали, что им не на-

до расследовать преступление и указывать на убийцу – или предполагаемого убийцу – их задача заключается лишь в том, чтобы посеять обоснованные сомнения в доказательной базе обвинения.

Задача представлялась посильной, по крайней мере, если оценивать доказательную базу, исходя из объема собранной к последней декаде апреля информации. Однако с течением времени полицейские добывали всё новые данные, подтверждающие виновность Теодора Дюранта в инкриминируемом преступлении.

Успехом детективов полиции Сан-Франциско явилось обнаружение в высшей степени важного свидетеля по фамилии Ходжкинс (Hodgkins). Напомним, Дюрант настаивал на том, что не виделся с Минни Уилльямс в день её исчезновения, т.е. 12 апреля. Хотя обвинение располагало свидетелем, утверждавшим, будто Дюрант в тот день являлся по месту проживания девушки [речь идёт о Чарльзе Моргане, соседе Минни по меблированным комнатам], тем не менее этого было недостаточно. Ведь место разговора Дюранта с Уилльямс на пороге дома было отделено от места преступления значительным расстоянием, а от момента убийства – многочасовым интервалом времени. Из того, что обвиняемый поругался тогда с убитой девушкой, вовсе не следовало то, что он же убил её позже. Так вот появление свидетеля Ходжкинса решало эту проблему!

Дело заключалось в том, что проходя вечером 12 апреля

мимо церкви Святого Эммануила, Ходжкинс стал свидетелем крайне нелюбезного разговора молодых мужчины и женщины. Разговор между ними был настолько конфликтным, что свидетель остановился и сделал замечание мужчине. Последний обратил всё в шутку и увёл девушку по направлению ко входу в церковь. Ходжкинс опознал Теодора Дюранта и Минни Уилльямс на предъявленных ему детективами фотографиях – это они спорили [или ругались?] перед церковью Святого Эммануила около 21 часа 12 апреля, т.е. менее чем за час до убийства девушки!

Как видим, защита ставила перед собой самые серьёзные задачи и рассчитывала добиться в суде полного оправдания Теодора Дюранта. Обвинение же со своей стороны также было настроено на достижение бескомпромиссного результата и осуждения к смертной казни безо всякого снисхождения.

Но подобное осуждение требовало большой дополнительной работы. Перво-наперво следовало гарантированно связать Теодора Дюранта с Бланш Ламонт по месту и времени. Дюрант отрицал свою встречу с убитой девушкой на трамвайной остановке и последующую поездку вместе с ней на юг города, настаивая на том, что в то самое время он будто бы присутствовал на лекции доктора Чини (Cheney) в медицинской школе. Он сильно подставился с этим необдуманном утверждением! Три независимых свидетеля видели как Дюрант подошёл к Ламонт на остановке, непринужденно разговаривал с ней, а потом оба сели в подошедший

трамвай. Этими свидетелями являлись девушки, с которыми Бланш обучалась, так что ошибка опознания исключалась. Ещё один свидетель – водитель трамвая Генри Шэлмонт (H. J. Shalmount) – также хорошо знал Бланш Ламонт. Она регулярно ездила в его трамвае и Шэлмонт точно помнил её маршрут. Разумеется, он не был формально знаком с Бланш и никогда с нею не разговаривал, но вероятность того, что свидетель обознался и принял за Бланш похожую девушку, была исчезающе мала. Шэлмонт категорически настаивал на том, что это именно Бланш Ламонт ехала в его трамвае в четвёртом часу пополудни 3 апреля и именно с нею разговаривал тот самый молодой человек, в котором свидетель опознал Дюранта.

Но может быть, Бланш Ламонт разговаривала на остановке и села в трамвай с кем-то похожим на Теодора, но вовсе не Дюрантом? Ведь глупо отрицать, что люди схожей наружности существуют! Тем более, что обвиняемый утверждает, будто сидел на лекции...

Детективы изъяли у доктора Чини журнал учёта посещаемости и, должно быть, выругались в сердцах. Ибо в нём было отмечено, что Теодор Дюрант на лекции присутствовал! Более того, Дюрант всегда садился в аудиториях на первые ряды, если не самый первый, то на второй-третий, другими словами, он всегда был на виду.

Уже 15 апреля детективы порознь допросили студентов, обычно сидевших рядом с Теодором. Мэри Фиш (M. A. Fish)

и Катерина Дюкс (С. А. Dukes) садились по левую и правую руки Дюранта, Эдвард Кэмпбелл (Е. О. Campbell) сядил на первом ряду перед обвиняемым, а Фред Хармс (F. W. Harms) – строго позади него. Никто из четверых студентов не вспомнил Дюранта на лекции Чини 3 апреля. Вроде бы это доказывало ошибочность отметки в журнале, но... следует помнить, что студенты давали показания спустя 12 дней. Многие ли из читателей в точности вспомнят события 12-дневной давности, да притом ещё с различными деталями, вроде того, кто где стоял, кто проходил мимо, а кто – не проходил? И даже если читатель думает, что он уверенно помнит такие мелочи, то какова вероятность, что он выдержит перекрёстный допрос, связанный с обсуждением деталей тех событий? Сразу можно сказать, вероятность пройти перекрёстный допрос даже у читателя с прекрасной памятью не очень большая.

Просто потому, что наша память быстро избавляется от рутинных воспоминаний и незначительных мелочей. В каком-то смысле неспособность запоминать будничные события – это человеческая норма.

Не вспомнили Дюранта и другие его соученики, как, впрочем, и доктор Чини. Тогда детективы решили пойти что называется «мелким чёсом» и допросили всех студентов, знавших Дюранта в лицо. Выяснилась интересная картина – никто из них не мог вспомнить, чтобы Дюрант появлялся в здании медицинской школы после 13:30 3 апреля. До этого ча-

са многие студенты его видели и даже помнили некоторые детали, например, то, что после полудня он купил у уличного торговца пакетик орехов и грыз их на ходу, а вот после 13:30 никто ничего сказать не мог.

Результат выглядел весьма красноречиво, однако и у него имелось своё «но». Дело заключалось в том, что при медицинской школе имелась просторная библиотека, в которой можно было заниматься самостоятельной подготовкой, не привлекая к себе особого внимания. В принципе, Дюрант мог заявить, что после 13:30 он находился в библиотеке, но для этого ему требовалось признать прогул лекции. Сразу скажем, что он не воспользовался возможностью сделать такое признание и всегда настаивал на том, что в день исчезновения Бланш Ламонт прогулял 2 первых занятия, но посетил лекцию доктора Чини по детскому питанию.

Разумеется, детективы проверили наличие конспектов лекций в тетрадях Дюранта. В этом месте сразу уточним, что проверкой конспектов детективы озаботились не сразу – **они занялись этим вопросом в мае и данная деталь, как станет ясно в своём месте, весьма важна**. Так вот в мае оказалось, что все конспекты за 3 апреля у обвиняемого имеются. Однако чуть позже выяснилось, что Дюрант частенько пропускал занятия и всегда брал у товарищей конспекты для переписки. Уже после ареста – если точнее, то после 20 апреля – Дюрант получил конспекты лекций от своего товарища по фамилии Глейзер (Glaser).

Когда конспекты Глейзера и Дюранта сличили, то выяснилось кое-что интересное. Записи практически совпали, даже отметки «NB»⁶ на полях оказались расставлены одинаково. Это можно было объяснить тем, что сам лектор указывал студентам, на что следует обратить внимание в тексте. Но было и кое-что ещё! Лекция доктора Чини была посвящена методике приготовления детского питания и Глейзер, немец по национальности, в одном месте назвал повара немецким словом «koch». Дюрант же в этом месте употребил другое слово – «goache» («таракан»). В смысловом отношении данное слово никоим образом не соответствовало содержанию того фрагмента, где оно было написано!

Когда упомянутая деталь стала известна и сделалась предметом обсуждения, адвокаты поспешили заявить, что замена одного слова другим свидетельствует о том, что записи Дюранта и Глейзера между собою никак не связаны, другими словами, они были написаны независимо друг от друга. Обвинение же сделало прямо противоположный вывод, а именно – Дюрант не слышал лекции и не особенно вникал в её содержание во время переписывания. Он переписывал конспект, находясь уже в тюрьме, поэтому не следует удивляться тому, что он не вникал в то, что пишет. Увидев в тексте незнакомое слово – а франкоязычный Дюрант не знал значения немецкого слова «koch» – он решил, что Глейзер ошибся при написании, пропустив в спешке пару букв, и... подобрал

---

⁶ nota bene (лат.) – очень важно.

схожее по написанию английское слово «roache». Замена одного слова другим по мнению обвинения однозначно свидетельствовала о копировании Дюрантом конспекта Глейзера, чем обвиняемый занимался в крайней спешке и в обстановке, не располагающей к эпистолярным занятиям.

Полной ясности в вопросе возможного прогула занятий в день убийства Бланш Ламонт следствие так и не добилося. Формально защита обвиняемого могла настаивать и настаивала на том, что тот присутствовал на занятиях в медицинской школе – в журнале посещаемости не было отметки о прогуле и конспект лекции, прочитанной во второй половине дня 3 апреля, в тетради Дюранта имелся.

Однако обвинение считало, что Теодор имел возможность лекции прогуливать – что и делал неоднократно – а конспекты пропущенных лекций восстанавливать позднее по записям товарищей. Строго говоря, 3 апреля он пропустил первые 2 занятия, о чём честно сообщил на допросе, проведя свободное время в библиотеке и прогулке в окрестностях медицинской школы в обществе сокурсницы по имени Роуз.

При этом обвинение не могло правдоподобно объяснить почему же в журнале посещаемости не стояла отметка о пропуске обвиняемым занятия, если его действительно не было на лекциях во второй половине дня 3 апреля? Предположение о том, кто кто-то из студентов назвался Дюрантом вместо него было единодушно отклонено как самими студентами, так и преподавателями. Ещё раз повторим, Теодор на лек-

циях усаживался на первые ряды и фокус с выкриком из последнего ряда сработать не мог.

Серьёзной проблемой для стороны обвинения являлось то обстоятельство, что на одежде Дюранта не было найдено ни малейших следов крови. Между тем, убийство Минни Уилльямс было чрезвычайно кровавым, о чём выше говорилось уже достаточно. Данная нестыковка представлялась слишком серьёзной для того, чтобы её игнорировать, она требовала какого-то объяснения. И такое объяснение было найдено, точнее – подсказано.

Врачи из службы коронера предложили полицейским довольно необычную схему убийства. Выглядела она примерно так: сначала преступник душил жертву, доводя её до состояния глубокой комы, после чего резал ножом уже бесчувственное тело. В условиях резкого снижения активности сердечной деятельности разбрызгивания крови из ран могло и не произойти и его на самом деле не было! Те мелкие брызги крови, что были обнаружены на стене уборной, появились там не из-за удара ножом в артерию, а были оставлены преступником специально – он умышленно размахивал окровавленным ножом таким образом, чтобы срывавшиеся с лезвия капли попадали на стену.

Разумеется, подобное поведение преступника требовало не только хладнокровия, но определенной медицинской подготовки, должного понимания им азов судебной медицины. Дюранту, кстати, в медицинской школе читали курс судеб-

ной медицины!

В конечном итоге окружной прокурор, готовивший обвинительное заключение, пришёл к выводу, что обстановка в залитой кровью уборной – это на самом деле не истинная картина убийства, а своего рода инсталляция, подготовленная Дюрантом второпях перед уходом из церкви. Следует помнить, что вечером 12 апреля он должен был появиться на собрании в доме общинного старосты Фогеля, а потому ему приходилось действовать в условиях жёсткого цейтнота и он просто не успевал убрать за собой место совершения преступления. На тот случай, если труп будет обнаружен до того, как ему удастся возвратиться со сборов Сигнального Корпуса, Дюрант и устроил сбивавший с толку фокус с разбрызгиванием крови.

Полицейские крайне придирчиво, можно даже сказать, с пристрастием изучили показания о том, чем занимался Теодор Дюрант вечером 12 апреля, в те самые часы и минуты, когда по версии правоохранительных органов была убита Минни Уилльямс. Обвиняемый доказывал, будто он, начиная с 20 часов, метался по городу в поисках военной формы, причём сначала хотел поехать к одному товарищу и пошёл на нужную остановку трамвая, а потом передумал и решил ехать к другому. В результате, так и не дождавшись трамвая, Дюрант якобы ушёл с остановки и направился на другую. Там он безрезультатно простоял ещё некоторое время и надумал отправиться к товарищу пешком. Что и сделал в ко-

нечном итоге.

В результате, как мы помним, он опоздал на собрание к Фогелю минут на 10—15, что было сочтено недопустимым проступком. Пастор Гибсон по причине опоздания даже сделал Дюранту замечание, от чего обычно воздерживался.

Минни Уильямс проживала в доме №1707 по Говард стрит, удаленном от церкви Святого Эммануила приблизительно на 1,5 км. Из дома она вышла около 20 часов, возможно, чуть ранее, стало быть, возле храма девушка должна была появиться около 20:15 – 20:20. Именно в это время Ходжкинс видел её возле церкви спорящей с кем-то, чрезвычайно похожим на Дюранта⁷.

Обвиняемый настаивал на том, что он не мог находиться перед церковью, поскольку в это время стоял на остановке трамвая в 250 метрах, но на самом деле свидетелей тому найти не удалось. «Провал во времени» – то есть такой интервал, когда Дюранта никто не видел – в его показаниях достигал 65 минут. Именно в течение этих минут он каким-то образом заманил Минни в церковь, уговорил подняться на второй этаж и пройти в библиотеку, где убил её, поместил тело в уборную, кое-как привёл себя в порядок и помчался на со-

---

⁷ Если быть совсем точным, то Ходжкинс говорил о времени «несколько ранее» 21 часа, но тут следует принять во внимание отсутствие у него часов. Кроме того, точное время выхода Минни Уильямс из дома также осталось неизвестным, она вполне могла отправиться в путь и «несколько позже» 20 часов. По этой причине определенные разночтения и нестыковки в определении времени встречи жертвы и убийцы неизбежны, но важность таковых переоценивать не следует.

брание в дом Фогеля.

Правоохранительные органы приложили большие усилия к тому, чтобы последовательно опровергнуть все показания Дюранта.

Со всей возможной быстротой был найден слесарь газовой компании, обслуживавший церковь Святого Эммануила. Звали его Уильям Стирлинг (William Stirling), он очень удивился услышав вопрос про якобы неисправный 3 апреля светильник и категорически отверг саму возможность такого рода неполадки. Оказалось, что буквально накануне – т.е. 2 апреля – Стирлинг приходил в храм, где осмотрел все коммуникации и светильники. Слесарь категорически отверг подозрения, связанные с небрежной работой или забывчивостью, заявив, что ремонт газовых магистралей требует не только специфических знаний и опыта, но и особых инструментов. Стирлинг также заявил, что никогда не слышал о том, чтобы в баптистской церкви кто-то занимался самостоятельным ремонтом газовых рожков – это попросту опасно делать!

Поскольку защита Дюранта всячески педалировала тему его физической слабости и неспособности совершать действия, приписываемые обвинением, полиция распространила заявление, в котором сообщила, что обвиняемый имеет отличную физическую форму и при обыске в его доме были найдены гантели. Знакомые Теодора сообщили полиции, что тот ежедневно занимался с утяжелениями и очень гордился

своей хорошей физической формой.

В связи с этим заслуживает упоминания такая деталь. В июле 1895 г. одни из журналистов со Среднего Запада, откомандированный в Калифорнию для освещения предстоящего суда над Дюрантом, впервые увидел того в тюрьме. Журналист очень удивился тому, почему этого человека все называют «слабым»? Впоследствии в своей статье он написал о том, что Дюрант – это молодой мужчина в отличной физической форме, худощавый, гибкий, с развитым плечевым поясом и «большими руками». «Большие руки» – это, по-видимому, кисти рук, но как бы там ни было, для нас важен тот факт, что незнакомый с Дюрантом человек, увидав того впервые, вовсе не подумал назвать его слабым.

Говоря о работе детективов полиции в апрельские дни 1895 г. следует упомянуть о довольно любопытном ответвлении расследования, которое оказалось связано с неким Элмером Волфом (Elmer Wolfe), персонажем с одной стороны случайным, а с другой – довольно специфическим, что едва не повлекло для него самые неприятные последствия.

Начать следует с того, что Волф являлся членом той же самой баптистской общины, что и убитые девушки. Вечером 12 апреля Элмер присутствовал на собрании в доме старейшины Фогеля, на которое с опозданием явился Дюрант. Кстати, Волф настаивал на том, что Теодор опоздал отнюдь не на 10—15 минут, как утверждал пастор Гибсон, а намного более – приблизительно на полчаса. Волф даже утверждал,

будто пастор, умышленно занижая время опоздания, пытался таким вот неявным образом помочь Дюранту. Впрочем, речь сейчас идёт не о пасторе Гибсоне, а о самом Волфе.

Элмер Волф на заседании коронерского жюри. Этот свидетель дал весьма интересные показания о перемещениях Теодора Дюранта в ночь с 12 на 13 апреля 1895 г., а в ответ защита последнего постаралась бросить тень подозрения на самого Волфа.

После окончания собрания Элмер покинул гостеприимный дом Фогеля в компании нескольких женщин и Теодора Дюранта. Произошло это в 23:30 и компания, вышедшая из дома, состояла первоначально из 6 человек. Понемногу люди стали отделяться от группы. В 23:45 Дюрант попрощался со своими спутниками на углу 24-й и Капп стрит

на удалении немногим более 400 м. от церкви Святого Эммануила. Волф же продолжил двигаться по Капп стрит вместе с юной мисс Лорд, за которой явно ухаживал и которую в тот вечер провожал. Перед домом №846, в котором проживала девушка, парочка немного постояла, буквально 3—4 минуты, Волф раскланялся и, убедившись, что мисс Лорд благополучно вошла в дом, двинулся далее.

Волф вернулся в дом родителей, переоделся и ушёл в ночь далее. Дело заключалось в том, что Элмер не жил с родителями, последние полтора года он жил на ранчо вне пределов Сан-Франциско. Уже после полуночи он пришёл на конюшню, где оставил ранее свою лошадь, сел на неё и поскакал на ранчо, куда и прибыл около 01:30 13 апреля.

Во время блужданий по ночному Сан-Франциско Элмер Волф к своему великому удивлению увидел Теодора Дюранта, тот переходил улицу на пересечении 24-й стрит и Бартлетт, то есть менее чем в 300 м. от церкви Святого Эммануила. Произошло это далеко за полночь, спустя более получаса после того, как с ним попрощались мисс Лорд и Волф! Получалось, что Дюрант не покинул район баптистского храма и не отправился домой!

Когда тело Минни Уилльямс обнаружили в помещении церкви, Волф моментально припомнил странное появление библиотекаря в ночи и поспешил сделать соответствующее заявление полиции. Со слов свидетеля получалось, будто Дюрант возвращался на место убийства Минни Уилльямс

для... никто не мог сказать, для чего обвиняемый возвращался, но само по себе свидетельство выглядело интригующе.

Однако, как это часто случается в уголовных расследованиях, гладко было на бумаге, да забыли про адвокатов! Защитники Дюранта, узнав о показаниях Элмера Волфа, взялись деятельно изучать как сказанное им, так и саму его личность. И начались открытия, чреватые для бедолаги свидетеля самыми непредсказуемыми последствиями.

Во-первых, выяснилось, что перемещения Элмера по ночному Сан-Франциско носили характер не просто бессистемный, а по-настоящему бестолковый. Волф утверждал, будто некоторое время ждал трамвай на остановке, в то время как последний трамвай нужного маршрута выходил на линию в 22:45! Во-вторых, свидетель, описывая свои перемещения, сообщил о каких-то непонятных зигзагах и петлях, которые выглядели явно излишними. В-третьих, если дотошно нанести на карту маршрут движения Волфа по ночному городу и соотнести с ним точный хронометраж, то получалось, что 11 кварталов Элмер преодолел за 17 минут. Если считать, что стандартный размер квартала в Сан-Франциско до разрушения города в 1906 г. составлял 150 м. * 50 м., то получалось, что за указанный отрезок времени Волф должен был пройти от 550 м. до 1650 м. в зависимости от того, в каком направлении он двигался [вдоль кварталов или поперёк]. Защитники Дюранта сочли подобную скорость перемещения

слишком высокой для пешехода [Для современного здорового мужчины пройти 1,65 км. за 17 минут проблем не составит, так что доводы защиты выглядят не совсем понятными, но в данном случае автор считает нужным изложить и этот довод тоже.].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.